

ЮРИЙ ПИОНЕРОВ

ЛЕВ СТАРОВ

ШЕФ-ПОВАР НАЗАД В СССР

ТОМ 1

Юрий Пионеров

Повар. Назад в СССР 85 год Том 1

«Автор»

«Автор»

2026

Пионеров Ю.

Повар. Назад в СССР 85 год Том 1 / Ю. Пионеров — «Автор»,
«Автор», 2026

Две звезды Мишлен, собственный ресторан, роскошная жизнь И всё это осталось под колёсами грузовика. Зато мне снова двадцать два! На дворе 1985-й: СССР, авоськи, дефицит, гранёные стаканы с компотом и заведующая, у которой на любую затею одно слово: «Не положено!» Ага, сейчас. Я двадцать лет командовал лучшими кухнями Европы и умел зарабатывать. Неужели не справлюсь с советской столовой? Из костей сварю деликатес, из очереди сделаю очередь за добавкой, а из поварёнка — человека, которого знает весь город. Впереди перестройка, кооперативы и лихие девяностые. На этот раз я знаю, когда ловить удачу за хвост. И пустые карманы в мои планы не входят!

© Пионеров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Повар. Назад в СССР 85 год Том 1

Глава 1

— Шеф, плиты встали.

На раздаче лежали шесть чеков. В зале сидел инспектор Мишлена. У моего «Le Ciel» было две звезды, и сегодня я собирался накормить его на третью.

Ткнул управление. Чёрный экран. На соседней плите — тоже. Вентиляция гудела, свет горел, а под сковородами исчез жар. Мясо только схватилось корочкой. Ещё несколько минут — и шесть столов получают тёплую подошву вместо ужина.

— Мангал во дворе. Баллон подключён?

— Да, шеф.

— Зажигай. Эти шесть — за мной. Соусы держите на водяной бане, вода ещё горячая. Подачу без моей команды не двигать. И никому не паниковать.

Переложил шесть порций на противень, взял щипцы. Молодая повариха рядом потянулась за сковородой голой рукой — и вскрикнула.

— Брось!

Сковорода ударила о плиту. Удержав девушку за локоть, отвёл её к мойке, пустил прохладную воду на обожжённые пальцы.

— Держи под струёй. Долго. К горячему сегодня больше не подходишь.

— Я могу...

— Можешь слушаться шефа. Уже огромная помощь.

Она всхлипнула и кивнула. Поставил рядом с ней свободного повара и подхватил противень.

Дверь во двор хлопнула за спиной. Мангал разгорался; баллон стоял в стороне от жара, шланг лежал свободно. Подождал, пока решётка прогреется, убавил горелки и выложил мясо. Жир зашипел. Вот этот звук мне подходил.

Одна порция была толще остальных. Сдвинул её туда, где сильнее жар, тонкую — к краю. Щипцы, поворот, проверка. Дым щекотал нос. Мне было сорок, за плечами — французские и итальянские кухни. А мясу всё равно, сколько у меня звёзд: передержишь — не простит.

— Как скажем гостям? — спросили из дверей.

— Что мясо готовится на огне.

— А про плиты?

— Ты пришёл ужинать или ремонтировать?

Парень прыснул и исчез. Мясо я снял вовремя. Дал ему отдохнуть, прикрыл от прохладного воздуха; к раздаче вернулся с соком на противне, а не с кровью на тарелках. Надрез контрольной порции открыл тёплую розовую середину. Корочка пахла огнём. Провёл пальцем по чистому краю тарелки, стёр каплю соуса.

— Шесть горячих. Забирайте.

Официанты вошли в зал с прямыми спинами. Следующая партия уже ждала у двери во двор. Мы вернули темп. Никто больше не спрашивал про плиты.

Через окно двери я успел увидеть, как инспектор отрезал кусочек и поднёс вилку ко рту. Тут мне протянули следующий чек.

После закрытия повариха сидела у служебного выхода, бережно устроив перевязанную руку на коленях.

— В больницу съездила? — спросил я.

— Да. Сказали, заживёт.

— Хорошо. Завтра от горячего цеха отдыхай.

Она подняла глаза.

— Шеф, я вообще скоро ухожу. В отпуск.

— Когда?

— По беременности.

Вот тут я наконец сел рядом. Вечер всё ещё стучал в висках: щеки, щипцы, шесть тарелок. А она улыбалась и ждала, что я скажу.

— Поздравляю.

— Вы не сердитесь?

— За ребёнка? Я похож на идиота?

— Нет. Просто сегодня такой день...

— Сегодня мы выдали ужин. Ты завтра позвонишь, как рука. Остальное решим. Место за тобой, это моё слово.

Она выдохнула, и плечи опустились. Совсем девчонка. Моя дочь сейчас в Лондоне, учится; тоже наверняка говорит «ничего страшного», когда стоило бы позвонить отцу. Надо набрать её. Только выбраться с кухни.

За служебной дверью лил дождь.

— Ты как домой?

— До метро дойду.

— Пошли. До метро довезу. Как ты с перевязанной рукой под дождём пойдёшь?

В машине она придерживала ремень здоровой рукой, пока я помогал застегнуть его. У метро попросила остановить у освещённого входа. Подъехал к тротуару, дождался, пока выберется, заберёт сумку и захлопнет дверь.

— Спасибо, шеф!

— Руку береги. И завтра позвони.

Она скрылась под козырьком. Я тронулся один.

Дворники размазывали свет фонарей по стеклу. На перекрёстке колёса прошли по воде, руль чуть потянуло. Убрал ногу с газа.

Из-за встречных фар вывалился грузовик.

Его кабина шла боком, прямо через разделительную. Слишком быстро. Слишком близко. Вывернул руль в свою сторону — от белого слепящего лба, прочь.

Машина ещё не успела послушаться руля, когда пришёл удар.

Металл рванулся внутрь. В горле застрял вдох.

Из-под крышки дохнуло паром; в носу зашипало от сладковатого духа варёной капусты. С деревянной лопаткой в руке подцепил край крышки, отвёл её от себя и снял пену с котла. Щипцы и противень придётся искать потом. Сейчас нужно понять, что ещё можно выдать горячим. За спиной кричали.

— Закрывайте раздачу! Всем закрыть! — Раиса Петровна Шепелева стояла посреди зала в синем халате, перехваченном тесёмками. Она перекрикивала очередь, поворачиваясь то к кухне, то к барьеру; от натуги у неё трясся подбородок. — Газ отключили! Ничего не готовим! Пусть ждут до завтра!

У раздачи загудели, и я оглянулся на зал. Очередь уходила за угол; возле барьера люди уже теснили друг друга. Кто-то отодвигал стулья, дёргал клеёнку, в дальнем ряду плакал ребёнок. Смены пересеклись в обеденный час, все пришли голодными, а им предлагали ждать до завтра. Ещё немного — и через этот барьер начнут перелезть.

— Витька! — позвал я через шум.

Паренёк у соседней плиты вздрогнул. За ним только успевай подбирать ножи: роняет, путается в фартуке и косится на Шепелеву. Так смотрят, когда ждут, что сейчас влетит. Мне нужен был человек на раздаче, а он застрял возле плиты, боясь даже с места сойти.

— Вить, хватит трястись. Бери половники, иди к Зое. Поможешь ей выдавать.

Он моргнул и уставился на меня. Командует поварёнок, ещё и таким тоном, каким просят передать соль. Для него это, похоже, было новостью.

— Но Раиса Петровна сказала закрывать...

— Слышал я. Она сказала закрывать, я говорю открывать. Иди, Зоя одна с этой очередью не справится.

Витька замешкался на секунду, потом всё же схватил два огромных алюминиевых половника и побежал к раздаче. Он крепко стиснул рукояти половников, протиснулся к Зое и остановился рядом, всё ещё косясь на заведующую. Команду исполнил; теперь ждал следующей. Такой взгляд мне был знаком по молодым поварам перед первым сервисом.

Повернулся к котлам. Под ними горели синеватые язычки остаточного газа, но их было мало. Пламя еле касалось дна. Котлы остывали. Температура падала с катастрофической скоростью. Горячее нельзя было держать на раздаче бесконечно, позволяя ему остывать. А если не будет горячих вторых блюд, очередь сорвёт с петель двери и полезет внутрь.

Зоя Минеева, официантка, стояла за стойкой раздачи, бледная, с губами, сжатыми в тонкую линию. Перед ней лежали пустые подносы. Она выглядела так, будто готова расплакаться или упасть в обморок. Очередь наваливалась на барьер, люди совали деньги, требовали борщ, гуляш, компот.

— Нет еды! — орала Шепелева, подходя ближе. — Понятно? Нет! Уходите!

Один из рабочих, крупный мужчина в заштопанной куртке, ударил кулаком по столу так, что подпрыгнули ложки.

— Мы тут с обеда стоим! Нам домой к семи!

— А мне что делать?! — визжала она в ответ. — Ждать, пока газ вернут?

Шепелева стояла между голодными людьми и кухней. Витька ждал её крика, Зоя прижимала губы; разрешения выдать еду они так и не получили. Очень удобная авария. Можно закрыться, сослаться на газ — и никто не спросит, чего не хватило: продуктов или умения ими распорядиться. Разбираться с этим будем после. Сейчас в котлах ещё оставалось горячее, а у барьера стояли люди, которых нужно было кормить.

У плиты номер четыре остановился и потрогал чугунную решётку. Конфорка была холодной. Решётка — ледяной.

— Где кладовая? — спросил я тихо, глядя на Шепелеву.

Она обернулась. Её лицо исказилось от ярости.

— Тебе чего, щенок? Не видишь, авария?

— Кладовая. Там сухие продукты. Крупы, мука. Что угодно, что не требует долгой варки.

— Заперта.

— Откройте.

— Сам открой, если умеешь! — прошипела она. — А лучше сиди и молчи. Ты вообще кто такой? Поварёнок первого года. Твоё дело мыть полы.

Она отвернулась, продолжая орать на рабочих, и машинально прижала руку к поясу. Там висел ключ от кладовой. Маленький, латунный, на кожаном ремешке. Всё время на виду, у самой хозяйки: попробуй попроси. На её «сам открой» я перевёл взгляд с лица на ключ.

Сделал шаг к ней.

Шепелева почувствовала движение боковым зрением. Она резко развернулась, выставив перед собой руки, как будто я мог её ударить.

— Назад! Не смей приближаться! Я вызову охрану!

В зале стало тише. Рабочий в заштопанной куртке убрал кулак со стола. Даже у дальнего ряда повернулись к нам: заведующая обещала охрану, а поварёнок всё ещё стоял перед ней. Теперь ждали, кто первым отступит.

— Раиса Петровна, — сказал я, оставаясь перед ней. — У нас триста человек в очереди. Если мы не начнём выдавать хоть что-то через пять минут, они сломают барьер. Вы хотите отвечать за порчу имущества? Или за драку?

— Это моя ответственность! — взвизгнула она. — Я закрыла точку по регламенту! При аварийном отключении! Так и будет записано!

— Регламент говорит об обеспечении питанием трудящихся, — перебил я. — Готовое горячее у нас есть. Давайте его выдадим, пока ищем замену газу.

Её глаза сузились. Она поняла, что я не собираюсь останавливаться. Она попыталась отступить назад, но споткнулась о ножку стола. Я оказался рядом быстрее, чем она успела вскрикнуть.

Я ухватил ключ у её пояса и снял с кожаного ремешка. Получилось грубо; ладонь прижалась к тёплой латуни, а я уже представлял, что мне за это скажут. Поварёнок лезет к заведующей на глазах у всего зала. За такое выставят за дверь, пока ещё объясняешь, зачем полез. Но выпрашивать ключ можно до вечера, а горячее в котлах остывает сейчас.

Шепелева застыла передо мной. Несколько мгновений мы стояли так близко, что я видел, как она набирает воздух для крика. Я успел заговорить первым и повысил голос, чтобы у барьера тоже слышали:

— Ключ беру, чтобы спасти раздачу, Раиса Петровна. Потом повесите обратно. Хотите — силой заберёте. Давайте сначала людей накормим.

За нами притихли. Рабочие у барьера перестали толкаться, и теперь весь зал смотрел, что будет дальше. Перед заведующей стоял худой мальчишка в грязном фартуке с её ключом в руке. Ещё недавно у барьера требовали борщ; теперь ждали, отнимет ли она ключ. Сжал его крепче: теперь до кладовой надо было дойти с ним.

Шепелева покраснела до корней волос. Открыла рот, но прежде взглянула на притихший зал. Зоя уже не прятала глаза, Витька стоял у раздачи с двумя половниками. Шепелева перевела взгляд на ключ в моей руке; подбородок у неё дёрнулся.

— Ты... ты уволен! — выдохнула она, но голос дрожал.

— Да хоть два раза увольте, Раиса Петровна. Только после обеда. — Показал ей ключ. — Я возьму крупу, масло, лук. Вы пока разрешите Зое выдавать то, что осталось горячим. Акт никуда не денется, и я тоже. Хотите — напишите в нём, что ключ забрал. За это отвечу. За пустые тарелки отвечать будем оба.

Развернулся и быстро пошёл к служебному ходу. Шепелева осталась за спиной; ждал, что она схватит меня за халат, но до двери дошёл свободно. Рабочие провожали взглядом. Крупный мужчина у стола чуть подался вперёд, следя за ключом у меня в руке. Зоя смотрела прямо в лицо. Приоткрыла рот, но я уже кивнул на котёл с готовым горячим:

— Я за крупой. Выдавайте, что есть.

Витька подставил ей первую тарелку, и Зоя зачерпнула из котла. Повернул ключ в скважине. Пока они кормили людей, мне нужно было добыть для остальных хоть что-нибудь сытное.

Дверь кладовой скрипнула. Внутри было темно, пахло пылью, мукой и сушёными травами. Щёлкнул выключателем. Полки ломились от мешков с крупой, банок с тушёнкой, бутылей с уксусом и маслом. Взгляд упёрся в рис и гречку: не мясо, зато горячая тарелка для тех, кому не хватит готового.

Отсыпал рис и гречку в два небольших тазика. Взял бутылку растительного масла, несколько крепких луковиц. Пакет с луковой шелухой (для цвета и вкуса бульона) и пригоршню сухофруктов для компота. Пакеты положил поверх тазика. Всё это за один раз было не унести. Поставил крупы у двери. Окликнул Витьку у раздачи. Он передал половник Зое и подбежал к порогу. Передал ему масло и лук, сам взял тазики. Мы вынесли продукты в кухню. За спиной звякали тарелки: Зоя продолжала выдавать то, что было готово.

Тем временем ситуация в зале накалялась. Очередь начала гудеть снова, теперь уже злобно. Люди видели, что я ушёл в кладовую. Ждали, что сейчас вынесу еду, и снова торопили Зою у барьера.

— Витька! — крикнул я, входя обратно в горячий цех. — Ставь воду. Много воды. Рис промыть и залить горячей водой. Гречку тоже промыть. На газ пока не рассчитывай; Зоя выдаёт готовое горячее из котлов. Масло — в сковороды. Будем жарить лук кольцами, давать к каше. Это даст вкус и жирность.

Витька смотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Так нельзя... Лук в кашу? Нас за это...

— Это еда, Витька. А ерунда — это голод. Делай.

Старик Лодкин, который сидел у дальней стены, куря сигарету, и делал вид, что его здесь нет, поднял голову. Маленькие, цепкие глаза задержались на тазиках, потом на мне. Лодкин затаился и выпустил дым кольцом. С места он пока не поднялся. Похоже, ждал, что у меня получится с этой крупой, прежде чем вмешиваться.

Подожёл к плите. Газ всё ещё не давал нужного жара. Синие язычки были слабыми, вялыми. Закрыв краны конфорок: ловить обрывающееся пламя на кухне не собирался. Вода не закипала. Время уходило. Из зала снова донеслось: «Ну сколько можно?»

Мне нужен был жар. Настоящий, мощный, мгновенный.

Огляделся. В углу кухни, подальше от глаз, стояла железная дверь в котельную. Нажал ручку — поддалась. Кто оставил открытой, выясню после раздачи. Сперва посмотрел, куда ведёт проход. Обжечься здесь — значит оставить очередь без повара.

— Зоя, подойди на минуту! — позвал я.

Она оглянулась от котла. У неё уже стояли тарелки с готовым горячим.

— Что принести? Люди опять спрашивают, когда каша будет.

— Большую плоскую сковороду и самые плотные прихватки. На этом газе мы её до вечера будем ждать. Проверю, что есть в котельной, и скажу, сколько осталось до выдачи.

Зоя посмотрела на дверь, потом на Шепелеву. Заведующая наблюдала от входа в кабинет, сцепив руки перед грудью. Зоя медлила, но сковороды лежала на стеллаже за её спиной. Она взяла сковороду, прихватила со стеллажа плотные прихватки и принесла мне всё вместе, не оставляя раздачу надолго.

— Вот, — протянула она мне.

— Спасибо.

Забрав сковороду и прихватки, подошёл к двери котельной. Внутри било угольным жаром. У стены стояла печь, на которой грели воду для столовой; её чугунная плита была свободна, а возле топки лежали тяжёлые чушки. Не переносить огонь через кухню. Перенести к нему работу.

— Ефим Степанович! Покажите, где здесь готовить, чтобы не мешать кочегару.

Лодкин нехотя поднялся. Провёл меня к плите, проверил тягу и сдвинул чушку с края длинной кочергой. Освободилось место под два небольших котла.

— Большой туда не ставь. Надорвёшься, — буркнул он.

— И не стану. Витька, горячую воду из кухонного котла сюда ковшом. Зоя, продолжай выдавать готовое. Нам нужно выиграть десять минут — и будет где готовить весь час пик.

Рабочие услышали скрежет металла. Кто-то крикнул:

— Эй! Там что, пожар?!

— Печь работает! — ответила Зоя прежде меня. — Пожара нет. Первое уже выдаём, не держите проход!

Шепелева побледнела ещё больше. Она ждала, что я буду мучить мёртвую газовую плиту. А я уже нашёл другую.

Капля воды зашипела на сковороде: чугун уже прогрелся. Вытер её насухо и налил масло. В малом котле закипала вода, которую мы перенесли ещё горячей. Вот теперь можно браться за рис. Готовить его придётся партиями: пока одну раздадим, поспеет следующая. Большой котёл Лодкин сюда ставить запретил, да мы бы и провозились с ним дольше.

— Витька, рис в котёл! — скомандовал я.

Он наконец перестал метаться и высыпал замоченный рис в кипящую воду. Я добавил соль и ложку масла. Чистую луковую шелуху, промытую от пыли, завязал в марлю.

— А это тоже туда? — Витька смотрел на мешочек.

— Туда. Цвет даст. Только марлю не развязывай, шелуху людям в тарелки не накладывай.

Опустил мешочек в котёл. Вода стала золотистой. Витька следил за ней, и мне пришлось вернуть его к работе:

— Гречку в другую ёмкость! Лук жарь отдельно, к крупе потом добавим!

— Сразу весь?

— В сковороду сколько влезет свободно. Навалишь горой — будет мокрая каша. Нам нужен жареный, понял? Края начнут золотиться — убавляй.

Витька промыл гречку у мойки. Во второй малый котёл перенёс ковшом горячую воду, засыпал крупу и поставил рядом с рисом. Убавлять под ним жар пока не давал: пусть сначала закипит. Потом прикрыли котёл крышкой и оставили гречку доходить, пока занимались луком.

Успевал от котла к сковороде и обратно. Возле угольной печи припекало щёки. Отойти бы на шаг, но лук уже желтел по краям. В масло отправлял сухие кольца и следил за первой сковородой: сейчас убавлю жар, и корочка останется сладкой. Вот с ней рис и съедят, до последнего зёрнышка. Подгоревший лук пришлось бы выбросить, а запас у нас скромный.

Рису соли хватало; лук хотел сохранить сладким. Сколько обедов приготовлено из такого набора — крупа, масло, лук. Здесь тоже получится. У барьера ждут горячего, а я уже представлял, как сверху на рассыпчатые зёрна ляжет лук, как масло стечёт между ними. Потом человек проведёт хлебом по тарелке. Ради этого и стоило возиться с каждой сковородой.

Уксус оставил для готовой еды, подальше от раскалённого жира. Луковые края золотились; убавлял жар и возвращался к котлу. Первую партию надо успеть выдать, пока у барьера опять не начали стучать. Дальше пойдёт легче: поедят, увидят, что готовим ещё, дадут Зое работать.

Запах горячего жира, карамелизированного лука и варёного риса уже чувствовался у раздачи, сквозь пот и дешёвый табак. От каждой новой сковороды запах лука становился гуще. Мужчина в заштопанной куртке смотрел уже мимо Шепелевой — на подносы у Зои.

У барьера гудели, торопили: «Готово? Уже можно брать?»

Отдав очередную тарелку готового горячего, Зоя вернулась с подносом и ждала, пока я позову её за рисом.

— Тридцать секунд на порцию, — сказал я через плечо.

— Это как? — переспросила она.

— Поднос подавай каждые тридцать секунд. Я накладываю, ты относишь. Вернулась — сразу следующий. Так успеем выдавать, пока горячее.

Зоя кивнула, ещё прикидывая, как обернуться за полминуты, и подала первый поднос.

Зачерпнул половником рис, сверху положил жареный лук, полил маслом. Сбоку — ложка гречки. Добавил компот из сухофруктов: нашёл их в той же кладовой, запарил кипятком.

Зоя понесла поднос в зал. Засёк про себя полминуты и взял следующую тарелку.

Ложка гречки, половник риса, лук сверху. Следующая тарелка. Уже можно было накладывать почти на ощупь; только за маслом следил, чтобы каждой порции досталось.

Шепелева стояла на месте, пока Зоя ходила с подносами. За барьером ждали еду и смотрели на нас. Попробуй теперь позови охрану, встань между половником и голодной очередью. Приказ закрыть раздачу слышали все. И все видели, что мы продолжаем кормить.

Первый рабочий задержался у раздачи, разглядывая рис с золотистым луком. Попробовал ложку, пожевал. Я ждал, что он скажет: после такого ожидания человек придерётся и к хорошему обеду. Но он выдохнул, провёл ложкой по краю тарелки, собрал масло с луком и взял ещё, уже без спешки.

— Вот этот лук сверху не жалея, малой. С ним даже рис — обед.

— Всем хватит, — Зоя пододвинула следующую тарелку. — Вы проходите, а то за вами тоже обедать хотят.

Рабочий уступил место. От тарелки пахло сладкой луковой коркой; рис набирался на ложку отдельными зёрнами. Возле стола он отломил половину хлеба и передал сыну, который его ждал. Мальчишка сразу обмакнул мякиш в сок лука. Отец сел рядом и придвинул тарелку ближе к нему.

Следующий уже ждал у барьера. Зоя подвела пустую тарелку под половник, и я зачерпнул рис.

Теперь очередь двигалась вместе с нами. Люди видели, как наполняются тарелки, и подходили к освободившемуся месту, вместо того чтобы теснить тех, кто ещё получал еду. Зоя уносила поднос в зал, возвращалась за новым; я успевал подготовить порцию к её возвращению.

— Давай следующую, — бросила она на ходу.

— Уже готова.

Тридцать секунд — поднос ушёл. Ещё тридцать — Зоя забрала следующий. С этим темпом мы могли кормить очередь, пока на угольной плите поспевала новая партия.

Лодкин оставался у плиты, куда привёл меня. Теперь он встал сбоку, оставив мне место у котла, и следил за работой: сколько беру масла, когда снимаю котёл с жара, успеваю ли к следующему подносу. Прищурился вслед Зое, которая понесла порцию в зал. Я ждал замечания, но старик всё молчал.

Когда снимал с угольной плиты очередную партию риса, Лодкин наклонился ко мне:

— Весы-то не сойдутся.

Остаток готовой гречки переложил в чистую миску у раздачи. Котёл освободился; Витька налил в него горячей воды для следующей варки. Зоя уже ждала у раздачи.

— Сам знаешь, чья это арифметика, — добавил он глухо.

Сквозь гул раздачи его слышал только я. Лодкин смотрел на расход продуктов, а говорил о весах. Значит, сегодняшней аварией дело не ограничивалось. В тарелки шли крупа и лук; что за них запишут в бумагах? Хотелось расспросить старика, пока он сам заговорил, но Зоя подвинула следующую тарелку.

Зачерпнул рис. С весами разберусь после раздачи.

Первая волна прошла. Риса осталось на считанные порции, гречки тоже, а у барьера всё ещё стояли люди. Те, кто уже поел, ждали добавки. За столами доедали без спешки; никто больше не вскакивал требовать обед. Крики у барьера стихли. Теперь из зала слышался стук ложек о тарелки.

Пока Зоя отдавала последние тарелки этой варки и черпала из прежнего котла готовое горячее, сбегал с ключом Шепелевой в кладовую. Вернулся с полными тазиками риса и гречки: теперь нёс только крупу. Витька промыл у мойки порцию гречки, слил мутную воду и засыпал её в освободившийся котёл с горячей водой. Рис пока оставил в тазике: второй котёл ещё кормил людей. На эти тазики хватит нескольких малых варок. Лодкин кочергой придвинул чушку, возвращая гречке жар, а я подхватил половник у раздачи. Эта партия не появится за полминуты. Зоя продолжала кормить людей тем, что было готово; тем, кто ждал крупу, я показывал на котлы над огнём.

Шепелева оглядела столы, потом нашу раздачу. Мы продолжали кормить людей, хотя она велела закрыться. Витька помешивал новую крупу у печи, Зоя отдавала готовое из старых котлов. Шепелева смотрела на довольных рабочих и всё сильнее сжимала губы.

Подошла к телефону на стене, сняла трубку, набрала номер.

— Алло, облпит? Столовая завода Дзержинского. У нас авария, газ отключён, а поварёнок самовольно продолжает работу. Прошу немедленно прислать человека для составления акта. Да, немедленно.

Глава 2

Подавая Зое готовое горячее, слышал её разговор целиком. Теперь она собиралась остановить меня через облпит.

Шепелева повесила трубку и подошла вплотную.

— Герой, значит? — спросила тихо. — Думаешь, они тебя защитят? Поедят и уйдут, Лагутин.

— Вот и дайте им поесть, — ответил я, не отрываясь от раздачи. — За этим пришли.

— Ты здесь никто. Я за эту раздачу отвечаю, не ты.

— А кормлю сейчас я. Теперь раздача моя.

Крепче взял половник. У меня под руками были горячий рис и лук, рядом ждала Зоя с подносом. Отдать Шепелевой раздачу сейчас — снова оставить этих людей у закрытого барьера. Свою работу я ей сорвать не дам.

Шепелева отшатнулась. На миг между нами освободилось место. Последнюю порцию риса из первого котла отдал человеку у барьера и вернулся к печи. Витька налил туда горячей воды, промыл часть риса из тазика и засыпал в котёл. Убавил жар под гречкой; крышку рисового котла оставил чуть сдвинутой. Зоя тем временем вынесла очередные тарелки с готовым горячим. Через несколько минут попробовал зёрна. Ещё жёсткие — закрыл крышку и дал им дойти.

Когда рис дошёл, Витька придержал котёл прихватками, а я снял его с плиты. Зоя подвела к раздаче тех, кто ждал крупы. Снова пошли тарелки: рис, лук, масло, гречка. Полминуты на такую порцию — только на неё; готовое из прежних котлов Зоя успевала отдавать между ними. Опустевший котёл наполнили горячей водой, Витька промыл оставшуюся в тазике крупу. У печи жарило лицо, у барьера перестали толкаться. Люди видели: готовое ещё выдаётся, а следующая партия крупы уже на огне. Лодкин молча подбросил угля, когда жар ослаб. Ещё одна варка дошла, пока Зоя разносила готовое. Я не отпускал половник, пока не подошёл последний из ждавших обеда. Очередь наконец поредела: люди расходились к столам; кое-кто, проходя мимо, кивал мне, хотя ещё недавно здесь кричали и требовали обед.

От кассы вдруг хлопнули в ладоши. Оглянулся на звук. Один рабочий стоял с пустыми руками и хлопал, глядя в нашу сторону. К нему присоединился второй, потом третий. В столовой аплодировали повару. На кухне я привык слышать звон посуды, ругань, иногда спасибо через официанта. А тут люди задержались после раздачи, чтобы похлопать мне. С половником в руке даже поклониться было неловко.

Зоя замерла рядом, держа поднос.

— Слышишь? Это тебе.

— Нам. Ты попробуй один подносы носить и рис накладывать.

Она усмехнулась, поглядела на последний поднос. Только что мы работали в одном темпе: она пододвигала тарелку, я наполнял. Теперь можно было остановиться и посмотреть друг на друга. Зоя выдержала мой взгляд, кивнула — как напарнику после тяжёлой смены.

У стенки Шепелева сжимала блокнот и ручку. Пока в зале хлопали, она торопливо составляла акт. С моего места удалось разобрать номер рабочей конфорки — четвёртая — и строчку рядом: «Самовольный переход на угольную печь». Вот за что она собиралась меня наказать. Люди поели, а у заведующей получилось нарушение.

За эту раздачу она ещё собиралась со мной рассчитаться.

Но сейчас, когда обеденная давка осталась позади, я чувствовал только усталость и удовлетворение. Угольная печь ещё держала жар. Последние котлы мы сняли с плиты. Но раздача была жива.

Вытер руки полотенцем и посмотрел на Лодкина.

— Ефим Степанович, а котельная почему открыта? Я думал, её запирают.

— Днём-то? — Старик кивнул на дверь. — Там воду для столовой греют. Запираем, когда смена кончается. Ты закрой за собой, и всё.

Закрыв тяжёлую дверь, прежде чем вернуться к раздаче. Старик кивнул мне коротко, едва заметно. Потом развернулся и пошёл к своему месту, к своей остывшей чайной кружке.

Зоя подошла к барьеру.

— Тридцать секунд, — повторила она шёпотом. — Это вы придумали?

Посмотрел на неё. На уставшее лицо, на выбившуюся прядь волос, прилипшую к щеке.

— Я, — ответил я.

Она кивнула. Развернулась и пошла собирать тарелки.

Аплодисменты стихли. Очередь рассосалась. В столовой пахло луком и горячим маслом; на столах ещё стояли выскобленные тарелки. Шепелева прижала к груди блокнот с актом и ушла в кабинет, хлопнув дверью. Номер конфорки и «самовольный переход» она уже записала. Ей оставалось пустить бумагу в ход.

Остался у плиты, глядя на остывающие котлы. И впервые за этот день позволил себе выдохнуть.

Вдох зацепился в горле. Грузовик. Дождь. Где моя машина?

Опустил глаза на руки. Грязные ногти, сбитые костяшки, обветренная кожа. Молодые, чужие руки. Ими я только что держал сковороду, проверял жар, накладывал рис. Я всё ещё знал, когда снимать лук и как вести раздачу. Пока работал, о руках даже не думал. Теперь разглядывал запястье: тонкие синие жилки, гладкая, непривычная кожа.

У двери висел календарь. Тысяча девятьсот восемьдесят пятый.

Перечитал цифры. Потом ещё раз.

— Витька. Мне сколько лет?

Он остановился с тазом в руках.

— Двадцать два. Ты чего, Марк? Опять дурно? Ты же перед раздачей свалился, когда газом запахло. Может, присядешь? Мы тут сами домоем.

— Уже прошло. Постой, дай сообразить.

В кармане халата нашёл сложенные документы. Марк Лагутин. Поварёнок. Двадцать два года — Витька не пошутил. Провёл большим пальцем по фамилии. Моё имя. Даже фамилия моя. Можно было сколько угодно перечитывать, сорока лет от этого в бумагах не появилось бы.

На двери в зал значилось: столовая завода имени Дзержинского. Мой ресторан с медными трубами и мраморными столешницами остался где-то за тем ударом. Там у меня было сорок лет и две звезды. Здесь — чужое тело и деревянная лопатка у котла.

Из мойки крикнули, куда девать последний котёл. Показал на свободный край стола. Котёл поставили. Календарь всё ещё показывал восемьдесят пятый.

Руки болели. Спина ныла. А я всё ещё слышал, как хлопали у кассы, и помнил рабочего, который попросил не жалеть лука. В этом чужом теле я сумел накормить их всех.

Акт она уже написала. Пора прочесть, что поставила мне в вину.

В красном уголке пахло пылью и дешёвым табаком. После кухонного жара здесь было душно: окна закрыты, на столе бумаги, и заведующая уже ждала меня. Шепелева сидела за столом, накрытым зелёным сукном, и перебирала листы. Указательный палец остановился на моей фамилии, потом скользнул ниже, к пустому месту для подписи.

Я стоял напротив. Усталость гудела в ушах, но строчки на верхнем листе разобрал: спасённую раздачу она записала как нарушение. У котлов я мог ответить следующей горячей тарелкой. Здесь придётся отвечать на каждую её формулировку, иначе за меня ответит подпись.

Шепелева разложила бумаги перед собой. У края стола стоял недопитый чай в подставке.

— Садись, Лагутин. Чего стоишь? Я акт вслух прочту, потом скажешь, с чем не согласен, — произнесла она, так и не взглянув на меня. Тихо, почти заботливо; от этого хотелось ещё внимательнее смотреть на листы.

Садиться не стал. Скрестил руки на груди и посмотрел на Витьку: мой недавний помощник ютился в углу на стуле с подлокотниками. Ему тоже предстояло услышать, что Шепелева запишет о нашей смене. Парнишка выглядел так, словно его сейчас вынесут на носилках. Он то и дело косился на меня, шептал что-то, но слов я не слышал из-за гудения в ушах. Поварята, те, кто остался дежурить на вечерней смене, толпились у двери, боясь войти и боясь уйти. Смотрели то на неё, то на меня. Шепелева могла вписать в приказ о взыскании любого, кто сегодня помогал у печи; каждый ждал, чью фамилию она назовёт.

Шепелева наконец подняла голову. Лицо у неё было бледное, а в глазах — такое удовольствие, что мне захотелось отодвинуть бумаги подальше от неё. Она придвинула ко мне стопку бумаг.

— Вот акт о чрезвычайном происшествии в столовой номер четыре за текущую смену, — произнесла она чётко, отдельно, как учительница, читающая сочинение двоечника. — Читаю вслух, чтобы ты запомнил формулировки. «Брак продукции по вине поварёнка Лагутина М.С., выразившийся в самовольном использовании угольной печи вместо конфорки номер четыре и нарушениях технологического режима...»

— Хватит, — перебил я. От усталости голос сел. Всё же она услышала и оборвала чтение.

Она замолчала, и уголки рта чуть приподнялись. Ага, этого и ждала. Сейчас я заору или начну угрожать — и к самовольству можно будет приписать агрессивное поведение. Ещё и коллективу, выходит, опасен.

— Что значит «хватит»? — спросила она мягко. — Ты признаёшь вину? Это хорошо. Признание облегчит наказание.

— Я не признаю вину, потому что её нет, — сказал я, делая шаг к столу. На акте уже стояла моя фамилия, а под ней оставалось место для моей подписи. Шепелева будто нарочно подвинула лист поближе. — И ты знаешь это, Раиса Петровна. Давай хотя бы цифры посмотрим. Если продукты испорчены, где вес отходов? Где журнал выдачи?

Шепелева моргнула и задержала взгляд на мне.

— Журнал заполняется после смены, — ответила она. — Сейчас его нет.

— Нет? — переспросил я. Ручка лежала возле её ладони; стоило мне замолчать, и она опять возьмётся за акт. — Мы кормили триста человек. Выдавали горячее, гарнир и компот. Сколько порций прошло — можно проверить по журналу. А брак сперва надо взвесить и списать. Сколько его, Раиса Петровна? Хоть грамм покажи. Люди поели, котлы опустели, жалоб нет. Какой ущерб ты впишешь в эту пустую графу?

Поварята у двери переглянулись. Витька привстал со стула, упёршись ладонями в подлокотники. Шепелева схватила ручку и поднесла к листу; кончик завис над бумагой.

— Ты думаешь, можешь диктовать правила? — процедила она. — Я тут хозяйка. Я решаю, что есть брак, а что нет.

— Хорошо, решай. Только в облпит ты понесёшь акт, а не своё слово. — Голос хотелось повысить, но пришлось бы перекрикивать её; я продолжил, пока она слушала. — Где весовые данные? Где журнал списания? Ты сама знаешь: без приложения этот акт не имеет юридической силы. Меня сейчас заставишь расписаться, а цифры потом подгонишь? Давай сначала цифры. Я подожду.

Витька опустил обратно на стул. Уже не так тихо, как садился до этого. Я протянул руку и взял один из листов. На нём было написано всё, что она прочла вслух, без единой пометки. Рядом стояла печать. Осталось шлёпнуть её на бумагу — и поварёнок виноват. Но внизу, в графе «Ущерб», ничего не стояло. Поднёс лист ближе: пустую строчку она оставила мне.

— А свидетели где? — спросил я. — Ефим Степанович на кухне? Он старший повар, ему и подтверждать, что с едой случилось. Без его подписи твой акт — макулатура.

— Лодкин спит, — огрызнулась она. — Он на больничном.

— Час назад он у окна чай пил. На нашей кухне. Позовём?

— Ну и пусть себе пьёт! — Шепелева хлопнула ладонью по столу. Стакан звякнул в под-
стаканнике; чай выплеснулся на нижний край листа, который я держал над сукном. Отдёрнул
бумагу, но две капли уже расплывались по ней. — Я сама подпишу! Мне плевать на его школу!

— А проверяющему из района объяснишь, почему старший повар остался в стороне? —
Мокрый край загнулся, и я перехватил акт за угол. — Он сегодня здесь, люди его видели. Ты
напишешь «брак», он скажет «раздачу спасли». Это уже фальсификация документов, Раиса
Петровна. Превышение полномочий. Спросят, какую недостачу ты прячешь за моей спиной.
Стоит оно того?

Витька шумно втянул воздух в углу. Шепелева посмотрела на меня, потом на лист в моей
руке. Ручку она всё ещё держала, но теперь отодвинула от бумаги. При поварятах ей пришлось
признать, что журнала здесь нет; назвать вес испорченного она тоже не смогла. Я удержал акт
над столом. Пустая графа «Ущерб» оставалась перед глазами у нас обоих.

Дверь скрипнула. Вошёл Лодкин, шаркая тапочками по линолеуму. На нём была старая
засаленная роба; над ушами топорщились седые пряди. Он задержался у стола, посмотрел на
Шепелеву, на меня, затем наклонил голову к листу. Я чуть повернул бумагу, чтобы он мог
прочесть.

— Ефим Степанович, — начала Шепелева. На его имени запнулась и потянула к себе
оставшиеся листы. — У нас тут акт после раздачи. Лагутин с формулировкой не согласен. Мы
сейчас разберёмся.

Лодкин достал мундштук, вставил сигарету. Вместо того чтобы закурить, покрутил мунд-
штук между пальцами и повернулся ко мне.

— Марк, ты чего шумишь? — Голос у него был хриплый, уставший. — Пик прошёл,
люди сыты. Я ещё возле котлов не отдышался, а вы здесь опять воюете. Что случилось?

Подошёл к нему ближе, всё ещё с актом в руке. От старика пахло потом, въевшимся в
робу табаком и чем-то сладким, медовым. Так пахли шефы на кухнях Парижа, когда после
сервиса уходили покурить и всё равно продолжали спорить о соусе. На секунду захотелось
встать рядом и тоже помолчать. Но Шепелева ждала за столом, и лист в пальцах напомнил,
зачем я здесь.

— Потому что она хочет свалить всё на меня, — ответил я тихо, чтобы слышал только
он. — И потому что у нас проблема с мясом.

Лодкин замер. Его пальцы остановились. Он посмотрел на меня внимательнее, прищу-
рился.

— Мясо? — переспросил он.

— Сегодня раздачу мы спасали крупами, — сказал я. — Приготовили столько, сколько
нужно на триста порций. По весу, по калорийности. Всё чисто. Но я хочу сверить накладную и
складские остатки до пика и после. Увидеть, на какие блюда ушло мясо. И кто его принимал.
Прежде чем она запишет ущерб на меня.

Старик не удивился. Только тяжело вздохнул.

— Знаю, — буркнул он. — Сам считал. Давно уже считаю.

— Тогда почему молчал?

— А что делать? — Лодкин пожал плечами. — Подписать акт против завхоза? Меня
уволят в два дня. И тебя тоже. Заодно.

— Не уволят, — сказал я. — Если мы правильно подадим ситуацию. Нам нужен не акт
о браке. Нам нужна справка о нештатной ситуации. Об аварийном отключении газа. И о том,
что персонал справился своими силами.

Лодкин посмотрел на Шепелеву. Та сидела неподвижно, слушая каждый наш шёпот. Стоило мне заговорить тише, она подалась к краю стола. Заведующей очень хотелось слышать, чем я уговариваю старика.

— Ефим Степанович, — позвала она. — Подпишите акт. Я вас прошу. Ради порядка.

Лодкин перевёл взгляд на неё. Потом снова на меня. Он молчал так долго, что Витька в углу успел дважды привстать со стула и снова сесть. Поварята у двери затихли. Я ждал, пока Лодкин уберёт мундштук: с сигаретой в руке он тянул время, а за ручкой пока не брался.

Лодкин всё ещё смотрел на бумаги. Его подпись могла превратить спасённую раздачу в брак по моей вине. Откажется — Шепелевой придётся объяснять, почему старший повар не подтверждает её акт. Завтра я всё равно собирался вернуться к плите, но сегодня нужно было удержать его на нашей стороне.

Он молчал, а я вспомнил, как старик пьёт чай. Можно ещё долго убеждать его перед Шепелевой. А можно поставить перед ним горячий стакан — и дать минуту решить самому.

Повернулся и пошёл к шкафу с посудой, который стоял в углу красного уголка. Там лежали чистые стаканы и чайный сервиз. Взял самый красивый стакан, с золотым ободком, насыпал туда сахар. Три кусочка. Так любил Лодкин. На кухне я уже видел, как он пьёт чай. Сахар он размешивал металлической ложкой, потом облизывал её и клал на блюдце. Даже среди кухонной беготни давал себе допить чай.

Долил крепкую заварку из чайника на шкаф, затем горячую воду. Вернулся к столу, поставил стакан перед Лодкиным и положил рядом серебряную ложку.

— Чай горячий, — сказал я. — Сахар правильный.

Лодкин посмотрел на стакан. Потом на меня. Он придержал стакан за ободок и придвинул к себе. Я ждал, не скажет ли он убрать чай: ещё и это пришлось бы выслушать перед Шепелевой.

— Ты умеешь видеть людей, парень, — пробормотал он.

Он взял стакан, сделал глоток и поморщился от горячего. Подождал, подул на чай. Шепелева уже открыла рот, собираясь напомнить про акт, но старик поставил стакан на стол и заговорил сам.

— Акт не годится, — сказал он громко, обращаясь к Шепелевой. — Какой брак, Раиса Петровна? Я эту еду пробовал, на раздаче стоял. Крупа дошла, люди тарелки забрали. Поварёнок к печи полез — было дело. Но испорченной продукции я не видел и такую бумагу не подпишу.

Шепелева вскочила со стула.

— Вы... Вы что несёте, Ефим?! Вы же сами знаете, что он полез к печи!

— Он спас раздачу, — отрезал Лодкин. — Без него вы бы закрылись голодными. А это вам надо? Районный комитет? Проверяющие?

— Мне надо порядок! — закричала она.

— Порядок будет, когда все сыты, — сказал Лодкин и сел за стол. — Давай, Марк, пиши, как всё было. Прочту — подпишу.

Я достал из кармана свою ручку и снял пластмассовый колпачок. Лодкин отказался подписывать её акт; теперь мне нужно было дать ему текст, под которым он согласится поставить свою фамилию. Пропал газ, мы нашли жар, накормили людей — порядок событий был ясен. Оставалось удержать его на бумаге и не подарить Шепелевой ни одной выдуманной строки о браке.

Взял чистый лист и начал писать в верхней половине — быстро, без исправлений.

«Справка. О нештатной ситуации, возникшей в период обеда пятнадцатого октября тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. Причина: прекращение подачи газа. Последствия: снижение температуры котлов. Принятые меры: оперативное использование угольной водогрейной печи, пересмотр меню, усиление контроля за отдачей блюд. Результат: питание насе-

ления обеспечено полностью, претензий от потребителей не поступало. Инцидент исчерпан силами персонала».

Перечитал справку и проверил, хватает ли ниже места для подписей. Буквы ещё поблёскивали. Так и хотелось дописать, кто первым предложил повесить на меня брак, но эту строчку Шепелева точно не подпишет. На листе оставил отключение газа и то, что мы сделали после него. Лодкин мог подписать его, не сдавая заведующую, а она — закончить эту историю без жалобы на собственную столовую. Для меня главным оставалось: раздача спасена, брака нет.

Шепелева читала через моё плечо. Её дыхание становилось чаще. Дочитав, она схватила лист и рванула за нижний край. Бумага надорвалась, но строка о результате уцелела. Она бросила справку на стол.

— Это издевательство! — воскликнула она. — Вы оба! Заговорщики!

Лодкин невозмутимо достал из кармана вторую сигарету.

— Подпиши, Раиса Петровна, — сказал он. — Или я пойду к директору завода. Расскажу, что газ отключился как раз в ту смену, когда ты мясо списать собралась. Пусть разбирается.

Шепелева застыла с раскрытым ртом. Даже пятна на щеках побледнели. Лодкин не убирал сигарету: ждал подписи, а не ответа.

— Ты... — прошипела она. — Ты пожалеешь.

Она пододвинула к себе надорванный лист и начала править текст: перечёркивала мои формулировки, добавляла свои, более осторожные.

«...при наличии технических неполадок... устранено силами коллектива... ущерба нет...»

На словах «ущерба нет» она задержалась. Кончик пера упёрся в бумагу; я ждал, не зачеркнёт ли она и это. Потом дописала. Перо скребло по листу, а пальцы дрожали так, что ей пришлось придержать лист второй рукой.

Закончив править справку, Шепелева протянула её Лодкину. Тот прочитал, кивнул и вывел фамилию под её поправками и вернул лист на стол. Я наклонился проверить: «ущерба нет» осталось на месте. Её почерком, прямо над подписью старика.

— Раиса Петровна, ещё ваша.

Она потянула справку к себе. У двери теснились поварята, и Шепелева покосилась туда.

— Чего встали? Вам делать нечего?

Витька отступил за косяк. Я остался возле стола: после всей этой ругани уйти с одной подписью означало завтра начать её заново.

Затем она взяла перо, окунула в чернильницу, подписалась и прижала к листу печать. Красная буква «Ж» легла поверх текста.

— Все свободны. И ты, Лагутин, иди отсюда. Мне ещё бумаги после вас разбирать.

Лодкин забрал со стола стакан с недопитым чаем.

— Пойдём, ребята. Дайте заведующей поработать.

Поварята освободили ему дорогу к кухне. У двери я стянул с себя фартук, тяжёлый от влаги и жира. Поморщился от запаха чужого пота и повесил его на гвоздь.

— До завтра, Раиса Петровна.

— Завтра будешь там, где тебе место. На мойке, — добавила она, склонившись над справкой.

В коридоре поварята расступились. Витька подался ко мне и зашептал, оглядываясь на открытую дверь:

— Вы... вы её заставили подписать? Она ведь уже акт написала!

— Она справку подписала, Вить. Что люди накормлены и ущерба нет. Вот это важно.

— А про мойку? Она ж вам прямо сказала...

— Слышал. Только сегодняшнюю еду уже не запишет в брак. Мы её выдали, люди съели, Лодкин подтвердил. С этим и пойдём на кухню, а завтра будем разбираться с мойкой.

Он ещё оглянулся на дверь. Пришлось подождать у поворота, пока догонит. Витька всё прислушивался к красному уголку, а мне хотелось дойти до кухни и посмотреть журнал выдачи: горячую еду мы спасли, теперь надо разобраться с расходом продуктов.

Там уже никого не было, кроме Лодкина. Огонь в горнах погас, под золой тлели угли. После крика в красном уголке даже шаги казались громкими. Старик сидел у плиты со стаканом в золотой каёмке, грел ладони и пил чай, глядя в него.

Подошёл к журналу выдачи. Он лежал на стеллаже, открытый на последней странице. Цифры были написаны карандашом, аккуратно, столбиком.

Начало смены:

Говядина: двадцать пять килограммов ноль граммов.

Крупа: десять килограммов пятьсот граммов.

Масло: три килограмма ноль граммов.

Конец смены:

Говядина: тринадцать килограммов шестьсот граммов.

Крупа: восемь килограммов ноль граммов.

Масло: два килограмма пятьсот граммов.

Выход порций:

Говядина использована на одиннадцать килограммов четыреста граммов.

Сверил накладную на утреннее поступление. В накладной значилось поступление двадцать пять килограммов говядины высшего сорта.

Двадцать пять минус тринадцать целых шесть десятых равно одиннадцати целым четырёх десятым.

Цифра сошлась. Идеально.

Это был расход по журналу. Не доказанная недостача. Я не видел, как утром отпускали мясо на заготовку, не взвешивал остаток в кладовой и не собирался превращать разность двух строк в обвинение.

Но в акте Шепелевой уже был виноватый — я. В нашей аварийной партии не было говядины: рис, гречка, лук. Пусть сначала покажет выдачу на мясные блюда и подписи тех, кто её принял. Потом будем говорить об ущербе.

Глава 3

Закрыв журнал и оставил на стеллаже.

В голове всплыла фраза Лодкина: «Весы не сойдутся — сам знаешь, чья это арифметика».

Старик знал больше, чем сказал. Отключение газа создало суету; в такой суете легко перестать замечать и тележки, и подписи. Но суета ещё не доказывала схему. Мне нужны были весы и сама партия, а не эффектная догадка.

Одиннадцать килограммов четыреста граммов.

Запомнил расход. Если он честный, за ним найдутся блюда. Если нет — одними чернилами людей не накормишь.

Посмотрел на Лодкина. Старик поймал мой взгляд. Помедлил, затем отвернулся и стал дуть на горячий чай. Разговор о мясе он слышал, цифры знал, а сейчас выбрал молчание. По горячему пару над стаканом лица почти не было видно. Пока спрашивать его при Витьке я не собирался; к этой арифметике ещё вернёмся.

В раздевалке было холодно. Я снимал мокрую робу, когда вошла Зоя.

Она была в своём форменном платье, белом фартуке поверх. Волосы собраны в тугий узел. Лицо спокойное, чуть уставшее. Она держала в руках мою ручку с пластмассовой шапочкой, которую я забыл на столе в красном уголке.

— Ваша. На столе забыли, — сказала она и протянула ручку колпачком вперёд.

Повесил мокрую робу на гвоздь и взял ручку. На мгновение коснулся её пальцев. Холодные, сухие — после мокрой робы этот холод был неожиданно приятен. Моя ладонь ещё липла от пота; перехватил ручку за колпачок, чтобы не испачкать.

— Спасибо, — сказал я.

Она не уходила. Стояла посреди раздевалки, ожидая чего-то. Зоя посмотрела на снятую робу, потом снова на меня и заговорила о раздаче.

— Тридцать секунд на поднос. Это вы придумали? — спросила она негромко.

— Подсчитал, — ответил я, надевая рубашку. — Вес порции, расстояние до подноса, сколько раз приходится поворачиваться. Можно суетиться вдвое быстрее и всё равно задерживать очередь.

Она кивнула, но с ответом не спешила.

— Я теперь втрое больше несу. А с прежней ношей всё время опаздывала. Как так выходит?

— Ты знаешь, когда подходить. Не ждёшь с пустым подносом, пока я закончу, и мне не приходится ловить тебя у раздачи. Мы попали в один темп.

Зоя слушала внимательно. Мне нравилось, что она спрашивала всерьёз: после такой смены есть что обсудить с коллегой. Рубашку я уже надел, а уходить ей всё ещё не хотелось.

— Завтра опять придётся попадать, — сказала она. — Заводская премия. Весь район придёт, народу вдвое будет.

— Знаю. Сегодняшним запасом не обойдёмся.

— А Шепелева кладовую закроет. Меня предупредила: никого к продуктам не подпускать.

На последней пуговице пришлось задержаться. Вот тебе и разговор после удачной смены.

— Спасибо, что сказала. Значит, утром первым делом проверим, что осталось в цехе.

Зоя помолчала. У двери оглянулась на меня — ждала, похоже, чтобы я понял предупреждение без шуток, — и вышла. Каблуки простучали по полу и стихли в коридоре.

Ручка лежала в кармане. В голове крутились одиннадцать килограммов четыреста граммов из расходной записи. Куда ушло мясо, я пока не знал; завтра придётся сверять бумагу с

тем, что выдадут на кухню. А если кладовую действительно запрут, начать надо с продуктов, уже оставленных в цехе.

В зеркале на стене отражался парень двадцати двух лет. Я потёр лоб: после смены глаза покраснели, под ними легли тени. Опыт сорокалетнего повара от усталости не спасал. На гвозде от сквозняка покачивалась мокрая роба.

Зоя предупредила меня заранее. Лодкин не подписал ложь, хотя Шепелева стояла рядом. Ни один не обещал встать за меня завтра, но сегодня оба сделали то, что могли. Этого достаточно, чтобы выслушать их и не подставить зря.

Выключил свет и нащупал в кармане ручку. У двери ещё раз оглядел скамью: ничего не оставил. Завтра приду с запасом времени, посмотрю, что есть в цехе, и уже от этого стану считать порции. Запертой дверью людей не накормишь.

К утру кладовая была заперта. Из коридора уже доносился гул рабочих, а на кухне запасов оставалось на два часа. Зоя предупредила меня вчера: Шепелева закроет дверь. Теперь предстояло кормить район тем, что оставалось в цехе.

Стоял перед закрытой дверью кладовой. Металлический лист, крашенный синей краской «под эмаль», с облупившимся уголком и висячим замком, похожим на гнилой зуб. Раиса Петровна Шепелева уже не орала. Она сидела в своём стеклянном аквариуме кабинета, за тонированным стеклом, и пила чай из фарфоровой чашки с золотой каёмкой. Поправила очки и снова поднесла чашку к губам. Пусть пьёт: до раздачи оставалось слишком мало времени, чтобы стоять здесь и ждать её милости.

— Марк Сергеевич, а ключ у кого? У неё? — Витька выглянул из-за моего плеча в сторону кабинета и затеребил пуговицу фартука. — Если попросить, всё равно не даст?

— Нам не даст. Сейчас считаем то, что на кухне. Продуктов на два часа, очередь на четыре. Будем ждать ключ — потеряем и эти два. Пошли.

В коридоре столовой уже слышался гул. Не тот нервный треск, что был вчера во время аварийного отключения газа, а ровный, тяжелый бас. Это шел завод. Первая смена. Люди шли есть после ночного дежурства или перед дневным, голодные, злые, привыкшие к тому, что еда — это лотерея, где выигрыш — это пересоленная каша и надежда, что мясо в котлете действительно было мясом.

Матвей, почтальон, проковылял мимо меня в зал, громко топая валенками (сегодня было сыро). Он подмигнул мне и тут же покосился на Шепелеву.

— Пол-района на пороге, Маркуша, — буркнул он так тихо, чтобы никто кроме меня не услышал. — Говорят, ты вчерашний чудотворец. Проверим.

Повернулся к Лодкину. Старик стоял у плиты, водил ложкой по дну пустого сотейника. Скребок, пауза, снова скребок. Из коридора всё громче гудела очередь, а Лодкин даже головы не поднял.

— Ефим Степанович, — сказал я. — Газ включили?

— С семи утра, — ответил он, не оборачиваясь. — Только толку? Давление скачет. То горит, то гаснет. Ты сначала посмотри, куда котёл ставить.

Отлично. Идеальная обстановка для катастрофы.

Открыл холодильник. Воздух ударил в лицо влажным холодом. Внутри царил хаос: банки с тушёнкой в размокших бумажных обёртках, мешочки с крупой, на которых расплылись надписи, и кости. Много костей. На костях ещё держались мясные обрезки. Они были подморожены, но пахли чистым сырым мясом; вываренные вчера кости лежали отдельно, для утиля.

И лук. Подмороженный, с размякшими наружными чешуями. Разрезал две луковицы: сердцевина белая, плотная, запах чистый. Чёрные мокрые луковицы из угла ящика сразу отложил в отходы. Здесь ещё можно было выбрать годное. Варкой гниль не исправишь.

— Витька! — позвал я.

Паренек вздрогнул.

— Неси сюда весь этот лук. И кости.

— Они... они же испорчены, Марк Сергеевич. Вы сами чёрные выкинули. Если Шепелева увидит, что мы это на раздачу ставим, она нас обоих убьёт.

— Вот это — в отходы. Остальное годное: кости свежие, лук очистим. Будет суп. Не перепутай ящики, а Шепелевой покажем, что взяли и что выбросили.

Взял большой нож и начал нарезать лук кольцами, толстыми, почти пластинами. После вчерашнего пальцы ещё ныли, но нож ложился в ладонь привычно. Витька стоял рядом с ящиком годного лука; ему сейчас важнее видеть работу, чем слушать, насколько нам плохо.

— Почему так толсто? — шептал Витька.

— Потому что тонкие сгорят, не успев дать вкус. Нам нужны цвет и сладость. Подгоревший лук сделает горьким весь котёл.

Развёл огонь под самым большим котлом. Пламя было слабым, оранжевым, сизым дымком тянуло вверх. Газ действительно капризничал. Убавил подачу до устойчивого пламени. Если опять сорвётся — перекрою и перенесу котёл на угольную плиту. Лодкин проверил соседний кран.

— Кости в воду, — приказал я. — Холодную. Ставим на медленный огонь. Сначала доведём до кипения, снимем пену, потом убавим. Не буря под крышкой, а редкие пузырьки у края. Так бульон останется прозрачным.

Пока вода нагревалась, достал крупу. Перловка. Сухая, но с сором. Высыпал её на стол и начал перебирать, отделяя камушки и пустую шелуху. Это было долго. Слишком долго. Отложил крупу: готовая каша у нас уже была, сейчас нужен суп.

На соседней сковороде обжарил лук. Витька тем временем очистил и нарезал морковь с картофелем. Когда бульон закипел и я снял пену, добавили овощи и лук в котёл.

— Марк! — крикнула Зоя из зала. Ее голос дрожал, но держался. — Они идут! Вся первая смена! И вторая уже подтягивается!

Посмотрел на часы. Семь пятнадцать. До восьми оставалось сорок пять минут; затем суп будет доходить, пока мы выдаём готовую кашу.

Очередь заполнила вестибюль. Люди стояли плотно, плечом к плечу, создавая единое живое тело. Запах потных тел, дешевых одеколонов «Шипр» и мокрой обуви смешивался в густую ауру ожидания. Кто-то ругался матом, кто-то просто стонал от голода.

Шепелева вышла из кабинета. Она была в своем лучшем платье, серо-стальном, с белым воротничком. В руке она держала секундомер. Красный пластик, дешевый, советский.

— Раздача начинается в восемь, — объявила она своим оперным голосом. — Кто опоздает — того не кормим. Нормы потребления нарушены.

Это было ложью. Столовая работала до обеда. Но люди поверили. Гул усилился. Кто-то попытался проскочить вперед, к кассе. Два здоровых мужика в спецовках, пахнущие мазутом и машинным маслом, толкнули хлипкую деревянную перегородку.

— Полегче! — рявкнул я.

Голос вышел неожиданным. Не высоким голоском поварёнка Лагутина, а низким, бархатым баритоном шефа, который привык командовать кухней, где кричат не потому, что злятся, а потому что там шум от вытяжек и сковорок.

Мужики обернулись. Увидели моё молодое лицо, худощавого парня в засаленном фартуке, и хмыкнули.

— Чего орешь, малой? Куда лезешь?

— Встаньте в ряд, — сказал я. — Один за другим. Левее кассы. Там свободное место.

— А почему там? — спросил один из них, рыжий, с лицом кирпичом.

— Потому что там меньше сквозняк, и ваша спина не замерзнет, пока будете ждать горячего. Хотите мерзнуть — стойте здесь.

Рыжий растерянно посмотрел на своих товарищей. Сквозняк действительно дул от входной двери, которую постоянно открывали запаздывающие рабочие.

— Ладно, — буркнул он. — Пошли туда.

Рыжий двинулся к кассе, товарищи за ним. Проход перед раздачей начал освобождаться. Теперь можно было заняться остальными.

— Зоя! — крикнул я. — Начинай запись! Не всех сразу. По двадцать человек. Тех, кого вызвали, ведут сюда. Остальные ждут у окна.

Зоя посмотрела на меня. В ее глазах мелькнуло сомнение. Это было нарушение инструкции. Инструкции требовали живой очереди. Но она видела, как люди толкаются, и поняла: сейчас случится давка.

— Как писать? — спросила она, доставая из кармана огрызок карандаша.

— Фамилию и порядок. По двадцать человек вызываешь к кассе, остальные ждут у окна. Кто записался первым, того первым и позовёшь. Скажи им это вслух, а то снова полезут через плечи.

Она начала писать. Рабочие называли фамилии, следили за карандашом. Теперь у каждого было место в записи; толкать соседа вперёд больше не требовалось.

Вернувшись на кухню, я столкнулся с проблемой. Бульон из костей еще не готовился. Он был просто горячей водой с плавающими обрубками. Сырой мясной запах ещё не сменился наваром. Снял последнюю пену.

— Что делать? — Витька смотрел на меня с ужасом. — Там смена ждёт, а у нас пока вода с костями.

Проверил бульон. Пена уже снята, мясной запах чистый, но вкус пока плоский. Обжаренный лук даст сладость. Ей нужен маленький противовес. Чем?

Уксусом? Нет, слишком резко. Вином? Его не было.

Лимонной кислотой.

Полез в шкафчик со специями. Банка нашлась быстро. Белый порошок.

— Сколько? — спросил Витька.

— Щепотку. Не больше. И немного сахара. Чтобы баланс.

Растворил щепотку лимонной кислоты в половнике бульона. Влил половину, попробовал, добавил ещё несколько капель. Сахар пока оставил: лук уже давал сладость.

Вкус собрался: сладость перестала липнуть к языку, мясной бульон вышел вперёд. Но глубины пока не хватало.

На заготовочном столе после нарезки завтрака остались обрезки копчёного сала. Задержал на них взгляд. Желтое, твердое, с кожурой. И луковая шелуха. Горы луковой шелухи, которые обычно выбрасывают.

— Витька, чистую кухонную марлю. Не из мойки.

Он принёс марлю. Я завернул в неё шелуху и обрезки сала, стянул края. Получился плотный сверток. Букет гарни. Советская версия.

— Опускай в котёл. Сало даст жир, чистая шелуха подкрасит бульон. Потом свёрток вынем, пока шелуха не начала горчить.

Витька взял его за стянутые края, но над котлом задержался.

— А оно через марлю пройдёт? Жир-то?

— Пройдёт. Она для шелухи, чтобы потом не ловить её по тарелкам. Опускай, Вить.

Он осторожно опустил свёрток в воду и отпустил края. Я проверил огонь: слабый, зато не гас.

К началу раздачи кости дали первый навар. Над котлом пахло копчёным салом и жареным луком; хотелось отломить хлеба, макнуть и съесть прямо здесь, у плиты. Бульон был ещё лёгким, зато копчёность чувствовалась уже у раздаточного окна. Перед выдачей вынул свёрток шумовкой и отложил в миску.

— Открываем! — крикнул я в зал.

Первые двадцать потеснили друг друга у входа. Рыжий протиснулся вперёд с подносом, за ним женщина поправляла сбившийся платок.

У раздачи меня ждали большие алюминиевые ложки. Зоя подвинула первую тарелку.

— По записи идём, — предупредила она рыжего. — Следующий за вами, пусть не лезет.

— Да я его не тащу! Он сам.

Рыжий прижал поднос к животу, пропуская чужой локоть, и снова подался к раздаче.

— Костный суп с копчёным салом, — представил я блюдо.

— Костный? Мяса, значит, не дождались?

— На костях бульон. С копчёным салом. Попробуйте, только осторожно: горячий.

— Я спрашиваю, что там есть-то.

— Картошка, морковь. Сейчас увидите.

Зачерпнул бульон с кубиками моркови и картофелем, разварившимся по краям. На поверхности разошлись блестящие пятна сала. Зоя передала тарелку рыжему.

Он набрал суп, подул и попробовал. Секунду держал ложку над подносом, потом поднял на меня глаза.

— Горячий. И... вкусно.

Это был лучший комплимент, который можно получить в столовой.

На порцию уходило тридцать секунд. Зачерпнуть, наполнить тарелку, сдвинуть к краю. Зоя ставила её на поднос и передавала человеку. Он забирал ложку, отходил, а передо мной уже ждала следующая тарелка. Работать с Зоей было удобно: посуда попадала под половник, когда требовалось, звать её каждый раз не приходилось.

Но газ снова начал капризничать. Конфорка номер четыре, которую Шепелева записала в акт, начала тухнуть. Пламя срывалось, шипело, гасло.

— Марк! — Лодкин кивнул на плиту. — Давай вторую!

— Там каша. Ей тоже нужен огонь.

— Тогда котёл переставь! Суп-то остынет!

Перекрыл капризный кран. На соседней конфорке после утренней жарки уже освободилось место. Взялся за ручки котла двумя полотенцами, приподнял — и сразу поставил обратно: кипяток плеснул под крышкой. Молодому телу пятнадцать килограммов давались труднее, чем я привык ожидать от себя.

— Витька, бери с той стороны. Сухим полотенцем. Поднимем вместе, по моей команде.

Он ухватился за вторую ручку. Одно полотенце я убрал, оставшимся держал свою.

— Взял? Поднимаем.

Перенесли котёл на свободную конфорку и опустили вдвоём. Металл скрипнул по чугуну; ещё мгновение держал ручку, проверяя, что котёл стоит прочно.

Толпа в зале загудела. Они видели. Видели, как поварёнок, обливаясь потом, таскает кипяток.

Шепелева подошла ближе. Секундомер в ее руке тикал.

— Медленно, — сказала она вполголоса. — По графику уже следующую порцию пора выдавать. Тридцать секунд прошло. Тридцать одна.

Она нажала кнопку секундомера.

— Я котёл с кипятком переставлял, Раиса Петровна. Люди видели. Можете и это засечь, — ответил я, глядя на очередь. — Пока они ждут, вам бы тоже стоило на раздачу посмотреть.

Она побледнела.

Тут распахнулась входная дверь зала. Вошла вторая смена. Их было тридцать человек. Они ввалились в зал, как лавина. Очередь, которая только начала двигаться, остановилась. Люди впереди развернулись, готовые дать сдачи.

— Пропустите! — крикнул кто-то из рабочих. — Мы после смены!

— Мы первыми пришли! — завизжала женщина в платке.

У передних рядов сжимались кулаки. Рыжий стоял поперёк прохода, женщина в платке кричала всё громче. Ещё один толчок — и начнётся драка.

Если начнется потасовка, раздача рухнет. Котлы опрокинут. Всех разгонят. Шепелева выиграет. Она скажет: «Вот видите, этот поварёнок спровоцировал бунт».

Мне нужно было действовать мгновенно.

— Зоя! — крикнул я. — Стоп выдача!

Тишина повисла странная, натянутая, как струна.

Выскочил из-за раздаточного окна. В зал. В самую гущу.

— Слушать сюда! — мой голос прогремел, усиленный акустикой высокого потолка. — Сейчас будет двойной пик. Вторая смена идет первой. Те, кто стоял в очереди, получают приоритетное обслуживание после второй волны. Без очереди. Через отдельный выход.

— А мы тут чего стоим?! — возмутился рыжий.

— Вы будете есть горячее первое. Вторые блюда закончились. У нас есть костный суп и хлеб. Вторую смену накормим, потом вызовем вас по записи. Примерно четверть часа — и в ваш суп добавлю укроп. Бесплатно.

Пучок укропа я видел утром на заготовочном столе. Мало даже на тридцать тарелок, но тем, кто уступил место, по щепотке хватит. Теперь надо было сдержать слово. Рыжий поворчал, однако отошёл к окну и остальных увёл за собой.

Вторая смена, уставшая, злобная, двинулась к раздаче. Вернулся на кухню.

— Витька, режь укроп! Весь! До последней веточки!

— Марк, его мало...

— Режь мелко! По щепотке на тарелку, всем поровну.

Лодкин смотрел на меня с удивлением.

— Ты блефуешь, щенок.

— Пучок маленький, но я считаю на тарелку, Ефим Степанович. Уступившим хватит. Вторую смену сейчас накормим без обещанного укропа.

Для второй волны осталась последняя партия каши. Крупы заканчивались. Цельного мяса не было. Было только то, что осталось после утренней готовки: обрезки колбасы, остатки тушенки, немного теста, которое не успело подойти.

Смешал начинку с тестом. Ложкой выкладывал небольшие оладьи, чтобы прожарились насквозь. Маленькие, невзрачные, но горячие, жареные на смальце.

— Горячие оладьи с тушёнкой, — объявил я.

Люди брали. Они были слишком голодны, чтобы разборчивничать.

Время шло. Пот стекал по лицу. Руки одеревенели. Пламя под котлом опять стало срываться; Лодкин убавил кран, и на этот раз огонь удержался.

— Хватит! — крикнула Шепелева. Она влетела на кухню. — Продукты кончились! Закрываю точку!

— Нет, — сказал я. — Есть обрезки. Есть лук. Есть кости.

— Это брак! Это нельзя выдавать!

— А что нельзя? Голод людям нельзя выдавать?

Она посмотрела на зал. Люди ели. Они молчали. Они аплодировали бы, если бы могли держать ложки занятыми.

Вдруг из задних рядов раздался голос Матвея.

— Поварёнок! А на завтра мне что нажарешь? Я всю почту предупрежу!

Эхо этой фразы прокатилось по залу. Смех. Теплый, человеческий смех.

Шепелева вздрогнула. Она поняла, что проигрывает. Она потеряла контроль над ситуацией, потому что ситуация стала развлечением.

— Перерыв! — заорала она. — Санитарный час!

Это был произвол. Санитарный час был в два дня.

— До двух ещё работаем, — сказал я, продолжая накладывать суп. — Вы в зал посмотрите. Куда я этих людей дену с пустыми тарелками?

Она схватила телефонную трубку, висевшую на стене кухни.

— Алло, облит? Да, это столовая номер четыре. ЧП. Повар отказывается соблюдать санитарные нормы...

Положив черпак у котла, подошёл к телефону, вынул у неё трубку из руки и положил на рычаг.

— Раиса Петровна, — сказал я тихо. — Вы хотите вызвать ревизию? Прямо сейчас? При этих людях?

Она замерла. Ревизия означала проверку всего. Накладных. Весов. Списаний.

Я помнил расход в журнале: одиннадцать килограммов четыреста граммов говядины. Одна цифра ещё не доказывала её вины. А вот почему кладовая закрыта и на какие блюда ушло это мясо, при свидетелях объяснять пришлось бы ей.

Ее глаза метнули искры страха.

— Вы... вы не имеете права...

— Тогда запишите причину остановки. Раз хотите закрыть точку, оформляйте. Под этим поставлю своё объяснение: суп есть, люди в зале, кладовая закрыта. И пусть проверяют нас обоих.

В этот момент дверь кухни открылась. На пороге появились двое мальчишек, которые вчера помогали носить котлы к угольной печи. Витька отошёл от плиты и встал рядом с ними.

— Открывайте кладовую, — сказал Витька. Голос дрожал, но он смотрел прямо в глаза Шепелевой. — Мы же здесь работаем. Люди за дверью ждут, а вы продукты заперли. Скажите им сами, почему без обеда уйдут.

Шепелева посмотрела на них. На этих сопляков. Потом на зал, полный людей, которые теперь молча наблюдали за нами. Тишина стала давящей.

Если она сейчас не откроет кладовую, она признает себя виновной. Публично. Перед всем районом.

Она медленно подошла к своему поясу. Сняла новый ключ — серебряный, блестящий.

Глава 4

Бросила его на стол.

— Пользуйтесь, — процедила она сквозь зубы. — Но за каждую крошку я спрашивать буду с вас лично.

Взял ключ, вместе с Витькой дошёл до кладовой и отпер замок. Позвал Шепелеву от кухонного телефона:

— Подойдите, Раиса Петровна. Сами посмотрите, что осталось.

Она подошла к открытой двери. Отступил, давая ей увидеть полки: пусть видит, что мы ничего не прячем.

Внутри было пусто. Почти. Последняя банка тушенки. Пачка макарон. Немного муки.

На пиршество — нет. На последние порции — хватит, если растянуть тушёнку луком и отваром, а макароны сварить без промедления.

Поставил макароны вариться, занялся соусом из тушёнки и лука. Пока макароны доходили, Зоя выдала ждавшим обещанный суп с укропом — каждому по щепотке, без любимчиков. Остаток отвара я добавлял в сковороду с тушёнкой понемногу. Соус цеплялся за макароны, а не стекал лужицей под них.

Раздача возобновилась.

Люди получали еду. Они ели. Они уходили довольными.

Когда ушла последняя порция, в зале осталась пара десятков человек. Матвей сидел за столиком, допивая костный суп, и помахал мне платком.

— Хорошая стряпня, Марк. Вот честное слово, шёл на баланду, а поел как человек. Ты и завтра так давай, слышишь?

— Если продукты дадут, Матвей.

— А ты проси. Мы подтвердим, что съели!

Он промокнул губы, встал и громко хлопнул в ладоши. У соседнего стола обернулись; мужчина с ложкой во рту вынул её, положил на поднос и тоже захлопал. К ним присоединились остальные. Кто-то ещё доедал, кто-то уже отодвинул пустую тарелку. Аплодировали нам, поварам, — за горячую еду в этот голодный день. Витька стоял рядом и улыбался так, что объяснять ему ничего не пришлось: слышишь? Это и тебе.

Шепелева стояла у кассы, стиснув губы. Каждый хлопок будто прибавлял ей злости; когда Матвей повернулся к ней, она отступила за кассу. При этих людях снова кричать на нас побоялась.

Посмотрел на секундомер Шепелевой: она оставила его на столе возле кассы.

На циферблате застыла тридцать одна секунда. Очередь уже прошла, тарелки опустели, а прибор всё ещё хранил паузу в выдаче, которую она засекала, пока мы переносили котёл.

Обед мы вытянули. Шепелева уже смотрела мимо зала, в кухню. Её молчание мне совсем не нравилось.

Витька подошел ко мне, шепча:

— Марк, она написала заявление. Про перевод тебя. На мойку.

Кивнул. После её секундомера и звонка в облпит приказ на мойку уже не удивлял. В зале ещё хлопали, а она успела приготовить мне следующую работу.

— Идём, Витька. Посмотрим, что там за грязь. Раз уж переводят, хоть узнаю, в какой посуде мы варим.

Сняв фартук, аккуратно сложил его и положил на чистый стол.

И вышел из кухни не служебным ходом, а через двери в зал. Люди продолжали хлопать; прошёл мимо столов, за которыми только что ели мой суп. На мойке завтра возьмусь за котлы, а этот обед Шепелева у них уже не отнимет.

Вода была ледяной. Даже сквозь резиновые перчатки холод добирался до пальцев; скоро перестану различать, где щётка цепляет нагар. Двадцатилитровый котёл стоял в мойке на боку. Я придерживал его за ручку и тёр внутреннюю стенку жёсткой щёткой на длинной деревянной рукояти. Щетина шоркала по металлу, вода плескала через край. Повернул котёл: под старым жиром показалась узкая чистая полоса. За неё и взялся снова.

Мойка находилась в подвале столовой номер четыре завода имени Дзержинского. Над головой гудели трубы; хлорка не перебивала запах прелого цемента и жареного лука. Сюда меня перевели официально, приказом за подписью Раисы Петровны Шепелевой: «За ненадлежащее исполнение обязанностей поварят... перевод на хозяйственные работы сроком до особого распоряжения». Формулировка была корявая, но смысл ясен: они хотели сломать меня грязью. Хотели, чтобы великий шеф Мишлен, способный собрать соус бешамель без единого комочка, ползал по коленям в мыльной пене.

Стянул одну перчатку и посмотрел на руку. Пальцы покраснели, кожа на костяшках треснула, но движения оставались точными. Проверял пальцами, где ещё цепляется нагар, и снова проходил это место щёткой. В прошлой жизни, в Париже, мой су-шеф обожал полировать медные сотейники так, что в них можно было читать газету. Здесь же мне досталась грубая нержавейка, покрытая нагаром от десяти лет небрежной эксплуатации. Но принцип тот же: чистота поверхности определяет теплопередачу. Грязный котёл греется неравномерно. Еда пригорает. Клиент получает посредственность. Я получал удовольствие от того, как исчезают черные разводы, открывая серебристый металл. Натянул перчатку обратно.

— Лагутин! Ты там уснул или имитируешь работу?

Шепелева окликнула так, что я дёрнулся и стукнул щёткой о котёл. Стояла на лестнице в своём мешковатом синем костюме, сжимая блокнот в кожановой обложке. С этим блокнотом она ходила по цеху и записывала, кто на сколько опоздал и кто оставил ведро у двери. Теперь добралась до меня.

Продолжил скрести дно, сильнее надавив на деревянную ручку.

— Имитирую перфекционизм, Раиса Петровна. Тут жир ломтиками срезать можно. Хотите, оставлю вам на бутерброд?

Шепелева спустилась к мойке и сплюнула в раковину.

— Ты мне ещё поостри! После двойного пика совсем голову потерял? Думаешь, раз тебя в очереди похвалили, теперь заведующей указ? Марк, я тебе очень быстро объясню, кто ты здесь. Поварёнок на замену. Вот и мой, раз поставили, а советы прибереги. Котёл должен скрипеть. Проведу ногтем, останется след — всю смену будешь переделывать. И жаловаться пойдёшь с моим актом на руках, понял?

Она повернулась и поднялась по лестнице, стуча каблуками. Наверху хлопнула дверь кабинета. Щёткой я ещё несколько раз провёл по одному месту, прежде чем заметил, что жир там уже сошёл.

Усмехнулся уголком рта. «Котёл должен скрипеть». Она требовала невозможного. На внутренней стенке оставались въевшийся жир и следы старого нагара. Чтобы сделать её идеально гладкой, нужно время. Или правильная химия.

Под мойкой были сода и уксус; в раковине понемногу шла горячая вода. Поставил котёл на дно, налил воду с содой и закрыл крышкой. Старый жир должен сначала размягчиться. Тереть его насухо — тратить спину и царапать металл.

Уксус оставил отдельно. Им снимаю известковый ободок, когда вымою жир; смешивать с содой бессмысленно, они только нейтрализуют друг друга. Шипения много, работы мало.

Теперь нужно ждать. Десять минут. Вытер руки о чистый край рабочей тряпки и выпрямился. До проверки Шепелевой успею все котлы, если не стану драться с каждым одним и тем же способом.

Позади меня, у больших баков с компотом, которые тоже требовали еженедельной промывки, сидел Ефим Лодкин. Старик выглядел так, будто его забыли здесь лет тридцать назад. Его седые волосы были приглажены назад, лицо изрезано глубокими морщинами, а глаза смотрели куда-то сквозь меня, на стену, покрытую грибом. Он курил, хотя здесь курить запрещали. Запреты в подвале действовали только против тех, кого замечали.

— Щас загнёшься, парень, — пробурчал он, не отрывая взгляда от тлеющей сигареты. — Сода твоя, уксус твой — химией их не возьмёшь. Нагар въедается в металл на уровне молекул. Тут нужно механическое воздействие. Абразив. Пемза. Наждачка.

Подожёл ближе. Запах табака «Прима» ударил в нос, вызвав ностальгию по тому времени, когда все курили на рабочих местах.

— У нас нет пемзы, Ефим Степанович.

— Есть, — Лодкин кивнул в сторону угла, где стояли пустые ящики из-под картофеля. — Там, под подстилкой. Снабженец Геннадий приносит всё подряд. И пемзу, и наждачку. Для нужд хозяйства. Просто никто не знает, где искать, — и не хочет знать: искать, значит думать.

Он затаился и выпустил кольцо дыма.

— Ты думаешь, я почему сюда переехал? Потому что наверху шум. И потому что там работают те, кто боится испачкать руки. А руки — инструмент. Если они не чувствуют текстуру металла, ты не почувствуешь текстуру мяса. Никакой сборник этого не научит; это кожа знает.

Посмотрел на него внимательнее. Пемза лежала рядом, а остальные мойщики, судя по котлам, так и не добрались до неё. Лодкин знал, где здесь искать нужное.

— Спасибо за совет, Ефим Степанович. Я проверю ящики.

Лодкин хмыкнул.

— Проверь. Только тихо. Шепелева глаз на тебя положила. Она хочет увидеть, как ты ломаешься. Люди ломаются на унижении, парень, это проще простого: забери должность, дай грязную работу и жди. Ты пока не сломался. Это странно. Мне такие странности по душе, только ей — нет.

Лодкин достал из кармана робы маленький фонарик и протянул мне.

— Бери. Под ящиками темно, на ощупь в эту пыль не лезь.

Убрал фонарик в карман фартука. Старик потушил сигарету, поднялся и пошёл к лестнице. Я вернулся к котлу, который отмокал с содой: десять минут уже прошли. Слил потемневшую воду и снова взялся за щётку. Пемзу нашёл в ящиках, в мешке с надписью «строительные материалы», среди кирпичной пыли; сперва промыл её отдельно. Отмокший жир сходил под щёткой; пемзу оставил для наружного нагара на дне. Внутри котёл промыл и вычистил без строительной пыли. Тёр круговыми движениями, чувствуя, как меняется сопротивление металла. Сначала оно было шершавым, цепким, затем становилось скользким, гладким.

Закончив первый котёл, снял перчатки и провёл по его внутренней стенке ногтем. Ни следа. Металл блестел, отражая тусклую лампочку под потолком.

— Отлично, — сказал я себе.

Снова натянул перчатки. Второй котёл занял больше времени. Третий — меньше, потому что я уже знал, где находятся слабые места покрытия. К середине смены у меня болела поясница, плечи ныли, а пальцы одеревенели. Но передо мной выстроились три идеально чистые ёмкости, сверкающие, как новые. Они пахли свежестью и содой.

Дверь в мойку открылась, впуская поток света и шума из зала. Вошла Зоя Минеева. Она несла поднос с двумя порциями чая в гранёных стаканах, сверху плавали чайники. Поднос был сухим, стаканы стояли посередине, рядом друг с другом. Зоя держала его обеими руками, бережно, как поднос с полными тарелками.

Зоя остановилась в двух метрах от меня. Она смотрела на котлы, потом на мокрые перчатки, в которых я держал тряпку.

— Вы закончили? — спросила она. Говорила она тихо, глядя на котлы.

— Почти, — ответил я, продолжая полировать четвёртый котёл тряпкой. — Ещё два часа.

Зоя поставила поднос на край раковины, стараясь не задеть мокрое железо.

— Раиса Петровна сказала, что вы должны быть здесь до восьми.

— Я буду здесь до восьми.

— Тогда пейте чай. Остынет.

Обернулся. Зоя стояла неподвижно, сцепив руки перед собой. Её форма была чисто выглажена, фартук завязан идеальным бантом. Волосы собраны в тугий узел, ни одной выбившейся пряди. Она выглядела как картинка из учебника по этикету официантки. Она смотрела то на котлы, то на мокрые перчатки. Чай оставался на краю раковины, и к выходу она пока не повернулась.

— Почему вы принесли? — спросил я.

— Положено. По санитарным нормам, сотрудникам горячего цеха положен чай во вторую смену. Вы теперь в штате подсобных рабочих. Нормы распространяются на всех.

Это была ложь. Санитарные нормы не обязывали носить чай в подвал вручную. Но это была вежливая ложь, позволяющая ей нарушить субординацию без прямого неповиновения начальству.

Снял перчатки, вытер руки о тряпку и взял стакан. Зоя задержала взгляд на красных, опухших пальцах. Чай был крепким, сладким, с привкусом дешёвого сорта «Индо-китай». Сделал глоток. Тепло разлилось по желудку, расслабляя спазмированные мышцы.

— Хороший чай, — сказал я.

Зоя чуть заметно вздрогнула.

— Сахар экономный. Мы его в два раза меньше кладём.

— Мне подходит. Хоть чай чувствуется, а не один сахар.

Она молчала, наблюдая, как я пью. Потом её взгляд упал на чистые котлы.

— Вы правда их отмываете? Их же никто не видит. В зале только подача. А в кухне они стоят в углу.

— Повар видит. — Поставил стакан на поднос и натянул перчатки. — Суп из него потом ест целая смена. Вот останется на дне вчерашний нагар, попадёт в суп. Начнут разбираться: вода хорошая, продукт хороший, а в тарелке муть и чужой привкус. До мойки дойдут обязательно.

Зоя повернулась к треснувшему по диагонали зеркалу.

— Раисе Петровне разбираться незачем. Ей бы повод вас уволить. Или премии лишить, чтоб сами ушли.

— А я ей этот повод ещё и отмыть должен? — Щёткой прошёл по краю котла. — Пусть хоть сейчас спускается и смотрит. Здесь чисто. За грязь уже денег не снимешь.

Зоя помолчала, достала из кармана юбки маленькую записную книжку и карандаш.

— Можно я ваш график запишу? Когда вы свободны будете. Чтобы мне каждый раз сюда не бегать и вас не отвлекать.

Щётку задержал над котлом.

— А кому понадобился график посудомойщика?

— Матвею, почтальону. Он вечером приходит, про костный суп спрашивает. Говорит, у них вся почта записалась. Мне же надо ответить, будет еда или нет. А если вас тут держат, я так и скажу: повар занят, к плите выйти не может. А мне не хочется врать людям, которые ждут.

Посмотрел на неё. Зоя опустила глаза к блокноту, рисовала линии.

— Матвей просит костный суп? Прямо сейчас?

— Он заходил полчаса назад. Сказал, что если в пятницу не будет костного супа из костей, то он напишет жалобу в райком. На качество обслуживания.

Усмехнулся. Матвей умеет поднять шум; жалобой в райком дело уже не ограничится разговорами у раздачи. Придёт проверяющий — увидит, кто варит суп, а кто отправил повара в подвал. По крайней мере, к этим котлам придрататься он не сможет.

— Скажите ему, что костный суп будет. Но скажите, что повара нет. Скажите, что есть только поварёнок, который моет котлы.

Зоя подняла глаза. В них мелькнуло недоумение.

— Он не поверит. Он видел, как вы командуете раздачей.

— Тем лучше. Пусть удивляется. Пусть сам Раису Петровну спросит, почему поварёнок до плиты не допущен.

Она кивнула, закрыла блокнот и направилась к выходу.

— Чай остался. Долейте воду, если остынет.

Дверь хлопнула. Остался один с гулом труб и запахом хлорки. У раковины стоял чай, и во рту ещё держалось его тепло. Зоя спустилась сюда сама, оставила мне чай. До восьми теперь было что пить.

После чая за котёл взялся с новой силой. Прижал щётку к дну, прошёл вдоль стенки и смыл пену. Под ней ещё оставалась тёмная полоса; пришлось пройти по ней ещё раз. В моём ресторане день начинали с чистого котла и чистого стола, а уж потом брались за продукты. Здесь за такую работу лишали места у плиты. Зато из-под щётки выходил металл, и завтра суп будут варить в чистой посуде. Хоть с этим я мог разобраться прямо сейчас.

Последний котёл домыл, когда часы на стене показывали восемь вечера. В зале уже стих шум, до мойки долетали редкие голоса уборщиц. Вытяжка гудела всё так же; после целого дня под ней этот звук слышался даже сквозь плеск воды.

Закрутил кран, снял перчатки, взял с гвоздя полотенце и вытер руки. От серой жёсткой ткани пахло затхлостью. Вернул её на гвоздь и понюхал ладонь: запах остался на коже. Надо достать своё полотенце. Буду стирать сам и держать при себе, иначе и его здесь за неделю превратят в половую тряпку.

За стеной закрипели колёса. Кто-то с трудом двигал тяжёлую тележку по бугристому полу. По звуку удалось проследить, как она шла вдоль стены к складскому оконцу. Через него из мойки была видна часть склада.

Замер, прислонившись спиной к холодному металлу котла. Тележка остановилась напротив окна. Донесли шорох бумаги, звон стекла, затем металлический грохот. Что-то уронили.

Свет в складском помещении мигнул. В этом коротком свете удалось разглядеть высокого сутулого человека в белом халате. Он наклонился к полу, поднял предмет и положил в ящик тележки. Предмет блеснул; с моего места нельзя было понять, консервная это банка или замороженный кусок мяса в целлофане.

Человек оглянулся. Лицо осталось в тени, зато белый поварской колпак был виден. Это не Шепелева: рост и сутулость совсем другие. Кто-то из смены? По одному халату не установишь.

Колёса снова закрипели. Тележку повезли к главному выходу из подвала, где обычно вывозили мусор и списанные продукты. Лязгнула внешняя дверь. Я остался у котла и ещё некоторое время слушал: вдруг вернётся?

Что они списывают? Накладную я уже видел, но остаток мяса ещё не взвешивал. Лодкин подписал справку о спасённой раздаче; про расход мяса в ней ни слова. Что везли на тележке? И почему через выход для списанного?

Вспомнил цифры. Одиннадцать килограммов четыреста граммов. Именно столько записали в расход после пикового дня. Физическую недостачу мы ещё не проверили. Эта цифра уже держалась в памяти, как номер карты кредитора.

Тележка ушла тем же выходом, которым вывозили списанное. Кто-то в поварском колпаке грузил её здесь, возле склада. Стоило запомнить этот путь и прислушаться, когда колёса закрипят снова. Бумаги потом покажут, что именно записали в расход.

Из мойки было видно вход продуктов, выход отходов, путь тележек. У плиты я этого не видел; теперь мог смотреть в складское оконце и слышал каждый рейс. В подвале тихо, никто не торопится объяснять мойщику, что везёт. Для наблюдения место подходило.

Медленно повернул голову к двери, ведущей в зал. Свет из коридора падал полосой на пол. Я ждал.

Через несколько минут дверь открылась, и в проёме показалась фигура Шепелевой. Она не шла быстро, как обычно. Она шагала медленно, держа в руках папку с документами. Её лицо было спокойным, даже довольным. Она увидела чистые котлы, блестящие в свете лампы.

— Ну вот, — произнесла она, останавливаясь посреди комнаты. — Красота. Жалко, что красота не кормит людей, Марк Сергеевич.

Выпрямился, вытирая руки о фартук.

— Красота дисциплинирует, Раиса Петровна. Люди видят чистоту и начинают думать, что еда тоже будет чистой. Это повышает доверие.

Шепелева усмехнулась, коротко и сухо.

— Доверие — это то, чем торгуют спекулянты. А мы работаем на госплан. Нам нужен учёт.

Она подошла ближе, разглядывая котлы.

— Ты справился. Лучше, чем другие мойщики. Обычно они оставляют нагар на дне. Ты его снял.

— Техника, — сказал я. — И немного химии.

— Химия опасна. Может оставить следы.

— Никаких следов. Проверьте сами.

Шепелева провела ногтем по стенке ближайшего котла. Ноготь заскользил по металлу, не оставив борозды. Она удовлетворённо кивнула.

— Хорошо. Ты доказал, что умеешь работать руками. Но руки не заменяют головы. Голова должна помнить своё место.

Она открыла папку и достала листок.

— Завтра у тебя смена с семи утра. Котлы будут грязнее. Продуктов меньше. И... — она сделала паузу, глядя мне прямо в глаза, — ...слухи ходят. Про костный суп. Про почтальона. Про то, что район требует «вашего» блюда.

Я молчал.

— Я не люблю слухи, Марк. Слухи — это хаос. Хаос разрушает систему. Система держится на правилах. Правило номер один: поварёнок не решает меню. Заведующая решает меню.

Она положила листок на край раковины.

— Вот твоё задание на завтра. Перебрать крупы. Манку, пшено, геркулес. Вычистить камни и сор. Время выполнения — до обеда. Если не успеешь — останешься после смены без оплаты. И не надейся, что за сегодняшние котлы я тебе что-нибудь прощу.

Взял листок. Бумага была чистой, типографская печать. Внизу подпись: «Исп. Лагутин М.С.» и дата. Обычная бюрократическая формальность. Но за ней стояла ловушка. Перебирать крупы — работа бесконечная, требующая сидения на корточках часами. После нескольких часов на корточках спину не разогнуть.

— Принято, — сказал я, кладя листок в карман фартука.

Шепелева посмотрела на меня ещё секунду, оценивая реакцию. Она ждала злости, возражений, просьбы. Дождаться их ей не удалось.

— Иди домой. Завтра в семь.

Она развернулась и вышла, прикрыв за собой дверь с характерным щелчком замка. Велела идти домой — и заперла снаружи. Ключ от подвала был у вахтёра; придётся его дозваться.

Остался один.

Тихо. Только капает вода из крана. Кап. Кап. Кап.

Подошёл к окну склада. Стекло было запотевшим. Протёр его рукавом и выглянул наружу. Ночь была синей, фонари горели тускло. Тележки не было. Склад пустовал. Но на полу, там, где недавно стояла тележка, остались влажные следы от колёс. Свежие.

Через стекло до следов не добраться. Принюхался: сквозь запах хлорки пробивался другой — рыбы? Слабый запах рыбы смешивался с машинным маслом. Рыба в подвале столовой? У них не было рыбного отдела. Рыбу привозили редко, и всегда в холодильниках.

Откуда взялся запах?

Вспомнил разговор с Лодкиным. «Снабженец приносит всё подряд». Гена Фурсов. Лично я его ещё не видел; фамилия же постоянно всплывала в разговорах о продуктах. Он поставлял мясо, овощи, специи. Он же организовывал «списание».

Рыбу на тележке могли привезти с улова или со склада. Самой рыбы через оконце я не видел; на полу остались следы от колёс. Запах-то откуда? Если убрали рыбу, надо искать, куда.

Отошёл от окна к выходу из подвала и подёргал запертую дверь. Стучал, пока с той стороны не зашаркали. Щёлкнул замок, в узкой щели показался дед Кузьма, вахтёр.

— Чего колотишь, парень? Заперли тебя, что ли? Шёл бы спать.

— Так выпустите. Ключ у вас?

— У меня. Будешь тут до утра стоять?

— Мне ещё в котельную надо, газовое оборудование проверить. Внеплановая проверка, по инструкции.

Кузьма хмыкнул.

— Ишь, проверяющий. Ты мне инструкцию на ночь не читай. Иди в общежитие, завтра разберётесь.

— А если ночью утечка? Я попросил ключ, вы отказали. Кого потом спрашивать будут, Кузьма Петрович?

Он помедлил, придерживая дверь, потом полез за связкой.

— Ладно, держи. Только быстро у меня. И обратно запри, слышишь?

Взял тяжёлую связку железных ключей. Они звякнули друг о друга. Один подходил к котельной, другой — к служебному входу на кухню: можно было пройти, минуя главный зал.

Вышел в коридор. Свет был выключен. Только аварийные лампы у выхода горели красными точками. Коридор тянулся далеко, ведя к главному входу и к лестнице наверх, в кабинет Шепелевой.

До выхода можно было дойти по прямой. Повернул к котельной.

Дверь открылась со скрипом. Внутри пахло углем и серой. Котлы гудели, поддерживая температуру в трубах отопления здания. Но рядом с ними, в углу, стояла небольшая печь для подогрева воды в столовую. Печь была топкой наружу, в соседнюю комнату — кладовую топлива.

Комната была заперта. Но замок был навесным, ржавым. Достал из кармана фартука проволоку, которую вытащил из щётки для чистки котлов. Проволока была гибкой и прочной.

Вскрыл замок за две минуты. В прошлой жизни я открывал сейфы ресторана, чтобы достать документы для проверки налоговой. Это проще.

Дверь открылась. Внутри было темно. Пахло пылью и сухими дровами. Включил фонарик Лодкина. Луч света выхватил стеллажи с углём и дровами.

На дальнем стеллаже, за рядами берёзовых поленьев, стояла коробка. Не с дровами. С бумагами. И поверх неё лежал пакет из непрозрачного пластика.

Глава 5

Подошёл. Пакет был влажным снаружи, уже не ледяным. Условия хранения здесь мне не нравились. Приоткрыл край пакета: под плёнкой лежала рыба. Вернул край на место.

Целый пакет рыбы; свежесть по одному пакету я бы не поручился определить. Осетрина? Нет, слишком мелкая. Судак? Возможно. Вес около пяти килограммов.

Осмотрелся. На стене висел журнал учёта топлива. Открыл последнюю страницу. Запись от вчерашнего дня: «Получено угля две тонны. Дров три куба». Подпись — Лодкин. Ниже, мелким почерком, приписано карандашом: «Гена. Плюс. Рыба».

«Плюс. Рыба». Код? Или просто пометка?

Закрыв журнал. Пакет оставил на месте, не забирал. Доказательства нужны в момент, когда их нельзя отрицать. Сейчас я единственный свидетель находки и только себя подставляю.

Вышел из кладовой, запер дверь и вернул ключи Кузьме.

— Всё чисто, — сказал я. — Утечек нет.

Кузьма зевнул.

— Иди давай. А то я сам закрою.

Пошёл в общежитие. Оно находилось за зданием столовой, в отдельном бараке. Комнаты маленькие, на четыре человека. Моя койка была у окна, напротив входа в столовую.

Лёг на кровать в одежде. Руки ныли после котлов, спину жгло даже на матрасе, зато можно было наконец подумать без крика над ухом.

Из мойки я видел, что происходит на складе. Теперь знал и про пакет в кладовой, и про пометку в журнале. Пометка про Гену могла вывести на Фурсова; вот с ним и следовало разобраться. Завтра меня ждали крупы с камнями, а пока под боком у снабженца лежали около пяти килограммов рыбы, о которых на кухне молчали.

Закрыв глаза. Один сосед шумно выдохнул, другой храпел вполголоса. Все уже спали; я же снова перебирал в уме продукты для костного супа. Хорошо подготовленные кости дадут крепкий бульон, обжаренный лук — сладость, сало — тонкий дымный вкус. От одной мысли о нём захотелось есть.

Рыба пусть лежит в тайнике. Её происхождения я не знал, сколько она там пролежала — тоже. Пускать такую в котёл нельзя. А годными костями, луком и небольшим куском сала вчера удалось накормить людей. Значит, и завтра сварю суп из того, за что могу отвечать.

Пятница началась с круп по вчерашнему приказу. С семи утра просеивал манку, выбирал камешки из пшена, сор из геркулеса. Всё лишнее собрал на отдельном блюде и оставил рядом с подготовленной крупой. Шепелева прошлась по столу взглядом.

— Закончил? Теперь к мойке. И слив вычисти, прежде чем за котлы хвататься.

К обеду снова скреб решётку слива тросиком. Хлорка щипала нос, под тросиком крошился старый жир. За стеной кухни нарастал гул: зал наполнялся, у барьера пока терпеливо ждали. Матвей обещал привести почтовых — судя по голосам, слово сдержал.

Да ещё и полрайона с собой привёл: почту, домоуправления, швей из ателье, водителей автобусов. О «чудо-поварёнке» они уже слышали, а я работал здесь, у грязной мойки. Теперь Шепелевой предстояло решить, чем кормить такую очередь и сколько ещё держать меня внизу.

— Лагутин! — голос Витьки пробился сквозь шум воды. Он показался на лестнице, бледный, с половником в руке. — Юшка валится! Кости не держат вкус, вода есть вода! Может, её в сторону, а? Я перед народом с пустым котлом стоять не хочу.

Отложил тросик на край мойки. Витька ждал на лестнице, а у меня перед глазами всё ещё стояли утренние котлы: Лодкин начал варку задолго до открытия, бульон успел набрать вкус.

— Ты его попробовал или только цвет посмотрел? Соль проверь. Лавр положи, если ещё не клали, и убавь конфорку, пусть тихо томится под крышкой. Новые кости сейчас не добавляй: они быстро вкуса не дадут. Уже сваренный бульон доведи, он у вас с утра стоит.

Витька моргнул, кивнул и побежал наверх. Я вернулся к сливу. Немного погодя с лестницы донеслось:

— Пахнет! Мать моя, как пахнет! И на вкус уже не вода, Марк Сергеевич!

Усмехнулся уголком рта. Запах костного супа с обжаренным луком перебивал даже хлорку. Это был запах дефицита, превращенного в деликатес.

Зал тем временем наполнялся. Я слышал шаги Зои по кафельному полу — ритмичные, спокойные. Она не бежала. Она управляла потоком.

— Проходите, товарищи. Подносы уже ждут. Записываемся заранее, чтобы никто не толкался.

Зоя говорила без суеты, но теперь её было слышно даже в подвале. Она больше не просила очередь подождать. Она организовывала её. Я знал схему: она раскладывала подносы на стойке раздачи, отмечая в тетрадке номера столов. Кто первый встал — тот первый получил. Никакой давки. Никаких криков «где моя порция». Зоя сама держала запись и называла номера; люди брали подносы в назначенном порядке.

Поднялся на несколько ступеней к приоткрытой двери кухни: отсюда можно было следить за Витькой. В проходе к залу появилась Шепелева. Она ходила от раздачи к дверям, поглядывая на очередь до улицы и на пустые котлы у стены. Продукты по накладной закончились ещё в среду. То, что варили сейчас на плите, Шепелева уже вписала в черновик акта как «технический брак» и «утильсырьё». Но черновик не менял состояния продукта. Лодкин ещё утром отделил негодное; оставшиеся подмороженные кости, мясо и плотный лук были пригодны для котла. Ей теперь предстояло объяснить, зачем она собралась их выбросить.

Черновик лежал у Шепелевой, а люди стояли у входа и ждали супа. Им нужно было открыть раздачу. Вернулся к мойке и взялся за щётку: котлы ждать не могли.

— Лагутин! — Туфли Шепелевой застучали по лестнице. Она спустилась и остановилась напротив мойки. — Вылезай.

Медленно снял резиновые рукавицы, капнув водой на пол. Посмотрел на неё.

— У меня смена мойщика, Раиса Петровна. Приказ подписан вчера. Я обязан мыть.

Шепелева стиснула зубы и двинулась наверх. Я поднялся следом, остановился у двери. В зале уже аплодировали первому появлению костного супа на раздаче. Зоя ловко ставила подносы, не переливая ни капли. Люди садились, ели молча, сосредоточенно, будто на экзамене. А потом кто-то в дальнем углу сказал: «Хорошо!» И слово пошло волной. «Хорошо... Отлично... Вкусно...»

Шепелева побледнела. Смотрела в зал, потом на меня. Первые уже ели, остальные ждали; Матвей привёл их к повару, которого она вчера отправила на мойку. Стоило кому-нибудь громко спросить, где Лагутин, — и отвечать пришлось бы ей. Витька у плиты всё ещё ждал моей команды.

— Производственная необходимость! — процедила она сквозь зубы. — На плиту. Немедленно. Иначе я закрою точку, и весь район будет писать жалобы на то, что столовая не кормит.

Спустился снять свой фартук — рваный, пропитанный хлоркой — и повесил на гвоздь над раковиной. Вымыл руки, вытер чистым полотенцем и вернулся к двери кухни. Пока её приказ не услышит Витька, к плите не пойду. Получить ещё один акт о самовольстве я не собирался.

— При Витьке скажите: обратно к плите? — спросил я.

— Обратно! — она ударила ладонью по чистому котлу. — Сколько повторять!

— Услышал, Раиса Петровна. И Витька слышал: вы вернули меня к плите. Зоя там одна, люди уже ждут добавки. Идите к ним, а здесь я разберусь.

Шепелева ещё секунду смотрела на Витьку: подтвердит или промолчит? Тот остался у плиты и головы не опустил. Она пошла к кассе, держа спину прямо. Оттуда уже просили ещё порцию; отвечать очереди пришлось ей.

На кухне жарило от плиты. Витька отступил, освобождая мне место, но не ушёл: за этим супом он следил с утра. А мне после мойки хотелось наконец заняться едой. От его рукавов ещё пахло хлоркой.

Лодкин курил у котельной двери. Вместо приветствия кивнул на большую кастрюлю.

— Там кости. Гена ночью тележку пригнал, на помойку велел. Я утром перебрал: негодное отделил, годное пустил в котёл. В бумаге у неё всё одним словом — «брак», а у меня оно сейчас варится. Ты сам попробуй, прежде чем следующую партию на раздачу понесут. Я-то знаю, что положил; тебе теперь за раздачу отвечать.

Пар пах мясом и луком, без кислинки, которой я опасался после слов Гены. Но за запахом не спрячешь ни дурной кусок, ни слишком слабый бульон.

— Попробую из этого котла, — сказал я, надевая чистый фартук и колпак. — А с актом отдельно разберёмся. Если там всё списали подряд, пусть видно будет, что ты отделил на самом деле.

На столе лежали черновики актов списания. Шепелева могла снова объявить мою работу самовольной; пригодится её собственная запись. Взял верхний лист. В графе значилось: «Списание продуктов вследствие нарушения условий хранения (подморожение). Вес нетто: четыре килограмма костей говяжьих, два килограмма обрезков мясных, лук репчатый (подмороженный) три килограмма».

Внизу стояла свежая пометка Шепелевой: «К списанию». Подписей комиссии не было.

Положил акт на край стола, рядом с ножом.

— Витька, видишь эту бумагу?

Он кивнул.

— Это её черновик. А твой продукт — вот он, проверенный Лодкиным. Лодкин с тобой негодное отделил, годное взвесил. Запиши фактическую закладку рядом: четыре кило костей, два мяса, а очищенный лук — по весу после переборки. Бумага не делает плохую еду хорошей. Она покажет, какую хорошую еду у нас хотели списать. Понял?

Витька открыл рот, потом закрыл. Он понимал логику системы лучше, чем я думал.

— А если она заберёт акт?

— Тогда ты скажешь, что суп варится сам собой, по закону сохранения материи. Но она не заберёт. Она боится ревизии больше, чем голодных людей.

Началась настоящая работа. С утра газ подавали устойчиво; на плитах шли следующие варки. Четвёртая газовая конфорка, номер которой Шепелева записала в акт, сегодня грела без перебоев: Лодкин зажёл её ещё затемно. Над синим пламенем готовый суп держали горячим для раздачи.

Попробовал бульон, разломил ложкой кусочек мяса: мягкий, проваренный. Соль и лавр Витька уже добавил; теперь хватило нескольких горошин перца из контейнера. Очищенный лук резал тонкими кольцами. Часть обжарил до золотистого края, остальной пустил в следующую варку. В готовый бульон добавил обжаренный — по кухне сразу потянуло сладким луком. Обрезки мяса Лодкин заложил вместе с костями; теперь я проверял мягкость и снимал лишний жир. На поверхности бульон блестел, но ложку уже не покрывала толстая масляная плёнка.

Темп задавал я.

— Витька, поднос на три!

— Зоя, два в конце ряда!

— Лодкин, проверь соль в большой кастрюле!

Старик вздрогнул. К нему здесь все подходили с оглядкой, а я позвал, как звал бы повара на своей кухне. Он встал, подошёл, попробовал юшку чистой ложкой, облизнул губы.

— Нормально, — буркнул он. И вернулся на табуретку. Теперь следил за мной внимательнее: смотрел то на кастрюлю, то на Зою, когда она забирала поднос. Соль поправлять не потребовалось.

Очередь продвигалась понемногу. Зоя выносила подносы, люди садились, ели, уходили довольными. У кассы Шепелева считала деньги. На каждое «спасибо» или «как вкусно» она дёргала щекой, потом улыбалась:

— Да, наша столовая всегда старается.

Это она говорила о супе, ради которого пришлось снять меня с мойки. Хотел бы я послушать, как она объяснит такую заботу о людях при следующем разговоре о моём самовольстве.

На середине смены возникла проблема. Банка.

Матвей протиснулся к раздаче; с ним пришли трое почтальонов и диспетчер из гаража. Он дождался, пока Зоя поставит очередной поднос, и заговорил на весь зал:

— Марк Сергеевич! У нас ребята в отделении без обеда сидят. Дадите им вашего супа? Нужен горячий, с собой. Мы и за тарой вернёмся, если найдёте во что налить.

— Тары нет, — отрезала Шепелева, повернувшись к нему. — Столовая кормит здесь, не по адресам!

— Да слышу я вас, Раиса Петровна. Только они же тоже район кормят работой: письма таскают, в гараже машины выпускают. Что мне им сказать — идите голодные до вечера? Хотите, через профсоюз попросим наладить обеды на почте?

За спиной Матвея почтальоны слушали ответ заведующей; за столами тоже притихли. Жалоба ей была ни к чему. Она посмотрела на меня: у плиты я как раз снимал шумовкой жир с бульона.

— Подождёте немного? — спросил я. — Если найду подходящую банку, вымою и прогрею как следует. Тогда нальём.

— Подождём, куда мы денемся, — Матвей оглянулся на своих. — Только не оставьте нас тут до ужина. Пять порций надо, у ребят сортировка горит.

Под кухонной раковиной стоял ящик с использованной тарой, приготовленной к вывозу в воскресенье. Чистой банки в кухне не было, кладовая заперта. Матвей ещё ждал у раздачи. Шумовку отложил: сперва надо было найти тару.

Подошёл к ящику. Выбрал стеклянную трёхлитровую банку из-под чая «Бессмертник». Она была грязной, со следами клея от этикетки.

Витька недоумённо посмотрел на меня.

— Куда это? Она же чаем пахнет, Марк Сергеевич.

— Вот потому и вымоем. Подержи раздачу, пока я тарой занимаюсь.

В ящике нашлась подходящая винтовая крышка, без ржавчины. Примерил к банке, снял и вымыл отдельно. Банку вымыл с содой, тщательно сполоснул. Поставил в котёл с тёплой водой на сложенную чистую ткань: стекло не должно касаться раскалённого металла. Довёл воду до кипения, прогрел банку и крышку. Уксус для этого не требовался.

К моменту выдачи банка была чистой и горячей, без запаха старого чая.

Прихватил горячую банку щипцами за горловину, наклонил, слил воду обратно в котёл. Через два чистых полотенца перенёс её на деревянную доску. Налил пять порций супа, оставив место под крышкой, закрутил её через полотенце. Лодкин дал бечёвку; банку завернул в несколько слоёв газеты и перевязал, а сверху ещё укрыл полотенцем. Короткая дорога до почты — суп останется горячим.

Передал Матвею.

— Для ребят. Пусть едят горячо.

Матвей принял банку, как святыню.

— Спасибо, сынок! Спасибо!

Он повернулся к залу, прижимая тяжёлую банку к груди обеими руками.

— Вот это сервис! Вот это отношение к человеку! Шепелева Раиса Петровна — молодчина! Организация на высоте!

В зале захлопали. Аплодисменты ударили по Шепелевой сильнее, чем любой скандал. Ей пришлось кланяться. Она стояла красная, улыбалась через силу и принимала похвалу за суп, который сварили мы. Удержаться от улыбки было трудно. Матвей унесёт обед на почту и расскажет, кто возился у плиты. Пусть заведующей хлопают: жаловаться на мою работу ей теперь придётся людям, которых мы только что накормили. Банка из ящика с грязной тарой пригодилась — после мытья и прогрева в ней ушёл горячий суп для почтальонов.

К концу смены зал опустел. Последним ушёл Лодкин. У плиты он задержался, посмотрел на четвёртую конфорку, потом на меня.

— Хорошо делаешь, — сказал он глухо. — Только ты теперь всё на себя тянешь. С горячим железом поосторожней: пригодилось оно тебе или нет, обожжёт одинаково.

Он ушёл. В кухне осталось нас четверо: я, Витька, Зоя и Шепелева. В пустом зале стало слышно, как капает вода из крана. Шепелева собрала бумаги в сумку и подошла ко мне. После дневных аплодисментов разговор предстоял неприятный.

— Завтра выходной. А в понедельник получишь новый график: полдня на плите, полдня на мойке. Сам себе работу больше не назначай, Лагутин. Здесь это решаю я. Чтобы не забывал своё место.

— Хорошо, Раиса Петровна. Полдня на плите, полдня на мойке, — ответил я. — В понедельник выйду по графику.

Она задержалась передо мной, всматриваясь в лицо. Угроза мойкой должна была испортить мне вечер; после выданного обеда спорить о ней я не собирался. Шепелева искала во мне страх. Не нашла. Развернулась и ушла в кабинет.

Остался стоять у плиты. Зоя подходила к раковине, мыла руки.

— Ты устал? — спросила она тихо.

— Нет. Работа сделана.

Зоя взяла губку и провела по столу, собирая воду.

— Матвей обещал тебе сковороду показать. Старая, говорит, зато чугунная, хорошая. Ты ему завтра напомни, а то он с почтой закрутится.

— Напомню. Он её отдавать собирается или только похвастаться?

— Про это он мне ничего не говорил. Ты погляди сперва, может, тебе такая и ни к чему.

— Чугунная? Очень даже к чему. Лишь бы без трещины.

Зоя выжала губку над мойкой.

— А ржавая если? Старая ведь.

— Отчищу. Дно ещё проверю: качается на плите — намучаешься.

— Он сковороду обещал показать, а ты ему уже осмотр устроишь.

— Зой, мне на ней жарить.

Она усмехнулась и вернулась к столу.

— Ну, жарь. Сначала только у Матвея спроси, отдаст ли. И завтра зайди, раз обещал.

Кивнул. На собственной сковороде можно будет прокалить чугун как следует, подобрать жар, привыкнуть к ручке. И после смены самому решить, где она будет стоять. Здесь даже за конфорку приходилось спорить с Шепелевой; сковороду ещё надо получить, а я уже прикидывал, что на ней пожарю.

— Спасибо, Зоя.

Она отложила губку и вместе со мной спустилась в подвал. У мойки поправила мой фартук на гвозде: край загнулся, ткань тянуло набок. Расправила ткань и задержалась у гвоздя.

— Просохнет к утру.

— Спасибо.

Она махнула мне мокрой рукой и поднялась в раздевалку. Я вернулся на кухню за своей одеждой.

В кабинете Шепелевой зашуршали бумаги, щёлкнул замок сейфа. Свою картотеку она убирала туда. Четвёртую конфорку опять запишет — после сегодняшней раздачи забыть о ней трудно. Только теперь к записи придётся добавить, что плита работает и обед на ней приготовлен. А готовил на ней я.

В коридоре общежития Витька шёл рядом и пересчитывал деньги.

— Марк Сергеевич, тут семь рублей двадцать копеек, — зашептал он. — В прошлый раз пять было. Это премия? Или штраф? Я уже в них путаюсь.

— Аванс. Считай вслух, разберёмся вдвоём. Я в ваших ценах пока — как в чужой кухне.

— Так если больше дали, чего разбираться? — Витька прикрыл деньги ладонью. — Может, лучше помолчать?

— Ты хочешь каждый раз гадать, сколько тебе заплатили? Сегодня больше, завтра меньше, а ты всё молчишь.

— Не хочу. Только у неё спросишь — ещё и должен останешься.

— Вот поэтому сначала сами посчитаем. Давай, с рубля начинай.

Заодно поднял свой расчётный листок: после выдачи аванса он лежал в кармане. Рубль двадцать за дополнительные часы уже входил в итог, а ниже прибавлялся снова. Сначала проверю у Тамары, потом верну лишнее.

Мы зашли в комнату. Тесную, серую, пахшую табаком и пылью. Но в ней было окно. И за окном начиналась ночь пятницы, пахнувшая костным супом и свободой.

На следующий день, в свой обещанный выходной, я до вечера возился с одеждой и койкой. От воды щипало между пальцами. Под ногтями ещё оставался жир; разглядывал его и злился, что никак не отмою. Вчера зал хлопал мне, а сегодня вот сижу в общежитии, пропахшем капустой и дешёвым табаком, изучаю мозоли от тупого ножа. Лагутину всего двадцать два. Как же он этим ножом работал? Я давно бы заточил нормальный и перестал давить продукт тупой кромкой.

В ватнике лежали восемнадцать рублей. В «Онегине» столько стоила салфетка. Я бы велел сменить испачканную и забыл о ней через секунду. Теперь на её цену предстояло прожить до полочки — или до конца месяца, с этим ещё надо разобраться. Прикинул, сколько останется после ужина, и остановился: я даже здешних цен толком не знал.

Умение готовить у меня осталось, а платили здесь за часы возле плиты. Отстоишь смену — получишь своё, хоть газ погас, хоть заведующая всех разогнала. Вчера я накормил людей. Сегодня мне самому надо было поесть, и для начала понять, что я могу купить.

На улицу меня выгнал голод: после целого дня на хлебе и чае живот скребло так, что хотелось съесть всё, до чего дотянусь. Первым делом надо было раздобыть ужин. Гастроном при столовой жил своей жизнью, отдельной от кухни, но связанной с ней невидимыми нитями страха и нужды. Очередь в ларёк вытянулась кривой хвостом по тротуару. Люди стояли молча, привычно, как стоят перед закрытой дверью, зная, что откроют её только для избранных.

Женщина передо мной, полная, в платке, отвернулась от витрины с киселём. Кто-то толкнул меня назад, к стеклу. Пока разбирался, куда здесь встать, Глаша уже смотрела на меня через прилавок.

Она меня знала. Вчера после переделанного мной меню люди наконец принялись есть и перестали материться у раздачи. Я ещё помнил, чего стоило их накормить, и ждал хотя бы знакомого кивка. Глаша оглядела меня и чуть помедлила. От неё я теперь ждал подвоха: уж очень внимательно она смотрела, давая мне замяться перед всей очередью.

— Чего желаете? — спросила она своим скрипучим голосом.

На полках были молоко, пачки макарон, банка шпрот. Разглядывал их, примеряясь к ужину.

— Макароны, белый хлеб и вон то масло, — перечислил Глаше. — По одной пачке и бутылку.

Всё необходимое есть, только готовить придётся по здешнему выбору, а я привык сначала придумать блюдо и уже под него заказывать продукты.

Отсчитал три рубля мелочью, заодно прикинул сдачу. Копейки холодили пальцы; я выложил их на прилавок и ждал, когда Глаша назовёт сумму. Она взяла деньги, перевернула монеты ногтем и коротко засмеялась — с удовольствием, достаточно громко, чтобы слышали стоявшие за мной.

— Ты, милый, ошибся, — сказала она громко, так, чтобы слышали все. — Мелочи не дам, размена нет. Пять копеек сверху — и разойдёмся.

Очередь загудела, кто-то фыркнул. От её громкого «ты, милый, ошибся» у меня горели уши. За спиной люди ждали, когда поварёнок перестанет задерживать торговлю. Пришлось ещё раз сверить ценники: ресторанные закупки я сводил ежедневно, с этой покупкой тоже разберусь. Требование накинуть пять копеек к указанной цене от этого понятнее не стало.

— Давайте посчитаем вместе, Глаша. Я запишу, а вы поправьте, если где ошибся.

Достал блокнот из внутреннего кармана. Снял колпачок со своей шариковой ручки. Зоя вернула её мне после того разговора в красном уголке; теперь я держал её при себе.

— Макароны высшего сорта, четыреста грамм — восемьдесят две копейки. Белый хлеб, нарезка, четыреста грамм — двадцать четыре. Подсолнечное масло, нерафинированное, бутылка ноль девять литра — рубль десять. Получается два рубля шестнадцать копеек. Вот мои три рубля, сдачи с них восемьдесят четыре копейки. Я правильно прочитал ваши ценники? Тогда откуда ещё пять копеек?

Глаша замерла. Блокнот лежал передо мной раскрытым; она сверила записи с ценниками над полками, кое-как приклеенными полосками липкой ленты. Глаша дёрнула щекой. Пять копеек сверху она просила громко, при всех; теперь так же громко признать расчёт ей, видно, не хотелось.

— Молодец, грамотный, — проворчала она уже тише. Продукты отложила аккуратно. — Только масла нет.

— Как нет? Вон же стоит.

Показал на последнюю бутылку на полке. Жёлтое масло плескалось в стекле. Макароны, хлеб — всё у меня будет. На бутылку даже смотреть было досадно: до неё рукой подать, а Глаша стоит между нами и уже сказала «нет».

— Нету товара, — отрезала она. — Продукт-то есть. Только накладную завхоз не оформил. Значит, продавать нечего, хоть ты на бутылку до ночи показывай.

— Глаша, я же за деньги прошу. По цене, которая у вас висит. Вы мне только что сказали: грамотный. Вот я и читаю — рубль десять. Что ещё прочитать надо, чтобы вы её продали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.